

The book cover features a vibrant, stylized illustration. The top half shows a bright, multi-colored sun (red, orange, yellow) partially obscured by a large, white, billowing cloud against a deep blue sky. Below the sky, a dark, textured landscape of rolling hills or fields is rendered with dense, multi-colored brushstrokes in shades of green, red, and black. In the foreground on the left, a large, detailed flower with red and yellow petals and a green stem is prominent. On the right, a small, green-walled house with a red, thatched roof and a yellow window is visible. A white circular badge in the bottom right corner contains the text '16+'.

ТИМА ФЕЕВ

ТРИМ

СКАЗКИ И РАССКАЗЫ

16+

Тима Феев

Трим. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Феев Т.

Трим. Сборник рассказов / Т. Феев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Жизнь после людей, какой бы она могла быть? Скучной или интересной, понятной или загадочной. А, быть может, просто сказочной и почти волшебной? Никто этого не знает, конечно. И все же, исходя из того, что известно уже теперь, мы можем делать некоторые предположения.

Содержание

1. Ветер	5
2. Леший	8
3. Мышь серая	10
4. Ракета	13
5. Летуны	16
6. Золото	19
7. Аори	22
8. Врун	25
9. Труба	28
10. Хорек-разделитель	31
11. Лакомый растлитель белок	34
12. Рукава	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

1. Ветер

В этой стране, на первый взгляд, не было ничего примечательного. Везде царили разруха и полное запустение. Чего-то значительного давно уже не строилось, а то что строилось, не шло ни в какое сравнение с тем, что было прежде. Мелкие постройки оказались никому не нужными и постепенно разрушались, зарастая травой. Крупных городов также почти не сохранилось, а те, что сохранились, потихоньку доживали свой век. Жители вынужденно уходили оттуда, покидая сырые, темные, неотопливаемые квартиры. А их место занимали бродячие собаки, крысы и прочие твари неизвестной природы. Пыль, мусор и грязь царствовали там безраздельно. Постоянные и внезапные обвалы сотрясали почву. Удушливая вонь от разлагающейся всевозможной органики делала почти непереносимым воздух.

Поэтому все, кто только еще мог перебраться в сельскую местность, поближе к природе. Туда, где были плодородные земли и дикие леса, чистые реки и красивые озера. Туда, где был огромный мир, которого даже и близко нельзя было найти себе в городе. Туда, где был Трим, удивительная страна. Такая, что современному человеку ее и вообразить-то себе было бы сложно. Да и не страна даже, а так, всего лишь территория. Поскольку государственных границ в то далекое время давно уже не существовало. Однако территория эта действительно была огромной. Она охватывала почти всю сухопутную поверхность Земли целиком. Впрочем, не менее огромным был и тот временной интервал, что отделял ее от современности. Каким же он был по продолжительности трудно было определенно сказать, поскольку однажды, очень давно, нить истории человеческой цивилизации внезапно оборвалась. И в тот момент все не то чтобы взорвалось или, например, сгорело, а наоборот, надломилось как-то.

Словно под собственным непомерным весом из-за чудовищных нагромождений на непрочном зыбком фундаменте, цивилизация людей сначала зашаталась из стороны в сторону, а затем все сильней и сильней стала раскачиваться. Пока, наконец, спустя непродолжительное время, все не рухнуло. Да так еще, что не только почти все города были разрушены, а до этого и лишены самого смысла своего существования. Брошено было все. И не по причине обыкновенной войны, которых в истории человеческой цивилизации было немало, а прежде всего потому, что люди и сами все куда-то подевались.

Впрочем, почти сразу на их место пришли другие, никому не известные доселе существа. Куда более развитые. И не столько даже внешне, сколько внутренне. Звали их тримы. Что это было за слово такое, никто не знал в точности. Хотя некоторые и утверждали, что произошло оно от старинного северного слова «тром», которое на одном давно позабытом редком наречии означало – венец. Тримы были чуть ниже людей ростом, но очень незначительно. Что же касалось всего остального, то они своих предшественников на Земле явно превосходили. Они были и ловчее их, и сильнее, но главное – мудрее. Они не знали, конечно, столько всего, сколько знали поздние люди. Однако тримы были очень любопытными и наблюдательными. Воспринимая окружающий мир более глубоко и непосредственно, они с невероятной быстротой познавали его. Поэтому не прошло и нескольких десятилетий, как они научились понимать многие вещи из того, почти необъятного наследия живших здесь прежде людей. В том числе и весьма сложные. Причем делали они это как-то очень легко, словно и не напрягаясь вовсе. Они могли, например, совсем не решать какую-нибудь сложную техническую задачу, чтобы найти ее решение. Они просто видели его, как будто бы чувствовали. И им не нужно было читать книг, чтобы понять их содержание. Они научились говорить с книгами. Тримы их внимательно слушали, водя по ним своими пальцами, и все понимали. Это было, конечно, отчасти интуитивной их способностью, которой, впрочем, так не доставало поздним людям. Тримам же она позволяла находить общий язык не только с древними книгами, но и абсолютно со всем, что их окружало.

Они могли, например, хорошо понимать язык животных и деревьев, ветра и камней. Да, они могли говорить со всем этим. И более того, иногда, но не всегда, конечно, окружающий мир также отвечал их просьбам. Ветер мог посильней покрутить их деревянные мельницы. А вода сама натечь в бочки для полива. Земля могла стать более плодородной, но могла и не стать. Ведь земля, вода, деревья и воздух также имели (как это выяснилось во времена те далекие), свою собственную натуру. Поздним людям этого было, конечно, не понять. Отчего они и загрязняли землю, портили воду и не позволяли ветру двигаться так, как ему того хотелось. Они устанавливали в огромных количествах ветряки, сливали нечистоты в океан и закапывали в землю всякий мусор.

Поэтому однажды и наступил момент, когда и земля с водой, и животные с растениями все разом, причем совершенно неожиданно, ополчились на людей. И буквально за несколько дней все было кончено. Никто, естественно, не знал в точности, что же тогда произошло. Да и рассказать об этом было бы некому. Хотя, как это ни странно, но люди и сами по-видимому не слишком сопротивлялись разразившейся катастрофе. Стороннему наблюдателю могло бы показаться даже, что они едва только не обрадовались, когда заметили, что их мир летит в пропасть. Поэтому никто ни о чем и не сожалел бы тогда, даже если кто-нибудь и сумел тогда выжить.

Что же касалось самих тримов, то они вполне успешно себе развивались. И даже не слишком-то и задумывались о том, что это была за цивилизация здесь такая, которая существовала до них на Земле. Правда, они тоже пробовали жить поначалу и в заброшенных городах, и даже использовать не до конца еще разрушенные тепловые станции. Однако довольно быстро поняли, что прошлого уже не вернуть, отчего и побросали все это хозяйство на произвол судьбы.

Если же посмотреть на личные качества тримов, то тут можно было выделить, пожалуй, одно из них, самое главное. Они не терпели насилия. Ни над другими, ни над самими собой. Они знали, что за подобными вещами всегда следует расплата. Поэтому всегда предпочитали договариваться по-хорошему. Да и сами себя никогда не мучили. Тримы не любили власть. Они знали, что власть – это почти то же самое, что и насилие. И что она мешала бы им договариваться, даже если где-нибудь еще и существовала. Ведь власть никогда и ни с кем не договаривается. Она лишь диктует. А когда она начинает договариваться, то это уже и не власть вовсе, а что-то иное.

Жить тримы предпочитали в небольших деревянных домиках. Чаще всего одноэтажных. Иногда, правда, они строили себе и кирпичные дома. Однако делали это крайне редко, да и то, по обоюдному согласию с соседями. Что же касалось их деревень, то они не были большими, по двадцать-тридцать дворов в каждой. Большого же им отчего-то не хотелось. Занимались тримы в основном сельским хозяйством и животноводством. Иногда еще охотились и ловили рыбу. К тому же производством всяких ремесленных изделий, которые требовались им для повседневного обихода, они тоже не брезговали.

И все-таки нужно, наверное, признать, что был тогда один властитель над всем этим царством, имя которому было Трим. И этим властителем был ветер. Он, конечно, никогда и никем не управлял, однако всегда был над всеми. Он везде летал по небу и смотрел на всех свысока. Однако нисколько не задавался при этом. Иногда он начинал бедокурить. И тогда он срывал крыши с домов тримов, ломал их мельницы или досаждал им иначе. Тримы же, как это ни странно, почти на него не сердились. Хотя и ворчали недовольно время от времени. Просто они знали, что у ветра натура такая. Он по-бедокурит, по-бедокурит, а потом и сам начнет помогать. И в общем, так почти всегда и случалось. После того как наиграется, ветер частенько подлетал к какому-нибудь триму и тихо спрашивал у него, не нужно ли тому какой помощи. А трим тоже не дурак был и всегда находил какое-нибудь дело.

Вот так ветер и тримы жили друг с другом почти в полной гармонии. И все-таки ветру не жилось тогда совсем уж свободно. Ему часто досаждали облака. Они везде следовали за ним. Как назойливые мухи они вечно кружились вокруг серыми стайками, стоило ему лишь ненадолго остановиться. Поэтому он совсем их не любил. Глупые они были. Своей воли не имели, да и мыслей интересных тоже. О чем можно было с ними разговаривать? Но и деться от них тоже было некуда.

Но зато ветер любил воду. Она была намного глубже него и сильней. И очень многое знала. Имела свой собственный необычный нрав. Иногда непредсказуемый и взбалмошный конечно, а иногда и очень добрый. А еще они с водой очень часто беседовали. Вода же считала ветер слегка поверхностным. «Так, – говорила она себе – полетает, полетает, да и улетит куда-нибудь. По сути же, – верхогляд. Много знает, и это без сомнения, однако в глубину заглянуть не может. А я вот как раз глубокая. Я, быть может, и не знаю столько всего сколько он, но зато, что уж знаю, то до самого основания».

Иногда случалось и такое, что вода с ветром ссорились. И тогда в океане начинались бури. Очень сильные. Такие, что даже тримы свои деревянные суденышки оставляли прямо на берегу, а сами уходили от воды подальше. Потому что волны там были очень высокими. Но затем выходило солнце и ветер с водой снова мирились. И тогда один летел смеясь, а вторая текла под ним и оба в одном направлении. Они весело улыбались друг другу, и больше уже не ссорились.

Солнце же любили все. Потому что оно всем дарило тепло и радость. И находило такие слова, которые для всех были приятными. Ветер на солнце посматривал снизу вверх, и немного его побаивался. Но все-таки, хотя и достаточно редко, они с солнцем тоже беседовали. В одну из таких бесед солнце сказало ветру, что оно не одно такое на небе. И что те звезды, которые он видит по ночам, это такие как и оно само, огромные сгустки раскаленного газа. Только очень-очень далекие. А еще солнце сказало, что ветер живет на планете имя которой, Земля. И что таких планет огромное множество. И еще солнце ветру много чего рассказывало. А тот внимательно все сначала выслушивал, потом долго обдумывал и наконец всем разболтал. Кто-то ему поверил, а кто и просто пожал плечами или даже посмеялся над ним. Но после одной из таких бесед ветер очень полюбил смотреть на звезды. Особенно тихими безоблачными ночами, когда все на небе было хорошо видно. Тогда он ложился прямо в поле и, слегка пригибая траву или пшеницу, всю ночь смотрел куда-то наверх. До тех пор, пока уже поутру какой-нибудь крестьянин-трим его, совсем замечтавшегося или даже просто уснувшего, не ткнет палкой в бок или еще как-нибудь не разбудит. Тогда он подскакивал быстро в воздух и, бормоча что-то невнятное, улетал скорее прочь. А крестьянин над ним еще и посмеивался. Но ветер нисколько не обижался на крестьянина, потому что знал, что тримы к нему очень хорошо относятся и зла совсем не держат.

2. Леший

Леший в лесу жил. Почти в самой его чаще. И все там ему нравилось. Везде темно и сыро. Опавшие листья, сгнившие ветки, вечно грязные лужи и стволы деревьев. Все это любил Леший. Иногда он просто ходил там вокруг своего домика, прислушивался к разным звукам и подолгу смотрел на небо. Похрустывал веточками и притопывал большими широкими лапами. Местные звери почти не боялись его. Но и не очень-то любили. Он все-таки пугал их иногда, хотя и не специально, конечно. Просто так уж случалось, что какая-нибудь лисица, например, идет ночью по своим срочным лисьим делам и вдруг натывается на это чудище. Она пугалась тогда сильно, тявкала и, едва не поседев от страха, убегала скорее прочь. А Леший только поскрипывал, почесывался и не обращал на местных обитателей никакого внимания. Ему и так было хорошо.

Но так не всегда было. Когда-то, очень давно, решил себе Леший друга найти. «Что-то я все один да один, – подумал он, – надо бы мне себе приятеля какого-нибудь подыскать». Но где же его найти-то здесь в самой чаще? И пошел он тогда у лесных зверей поспрашивать. Не нужен ли Леший кому в друзья. Но те все отказались. У деревьев тоже спросил. Но и тем не надобен. «Видно, придется мне себе друга где-то на стороне искать», – решил тогда Леший. И пошел напрямик прочь из своего леса.

Шел он долго. И сам удивлялся: «Что же это лес мой такой большой, а ведь сам-то я и не знал об этом прежде. Нужно мне будет как-нибудь его весь целиком обойти. А то сижу здесь на одном месте как пень трухлявый и сам своих владений не ведаю». Наконец закончился лес. И вышел Леший в поле. Но хорошо еще, что тогда поздний вечер был. А то бы он там всех тримов по-распугал. Потому что в поле том они обычно рожь сеяли и работали каждый день. Выйдя же в поле, Леший стал по сторонам оглядываться. Но никого поблизости не увидел. И только где-то вдалеке, почти у самого горизонта тускло мерцало несколько желтых огоньков. Это был свет из деревни, где тримы жили. Они пока еще не спали. «Вот туда-то я и пойду», – решил тогда Леший. И пошел напрямик через поле. Вот только лапами своими большими да широкими уж больно много он колосьев потоптал. Так что тримы на следующее утро ругались сильно и сами, правда, не зная на кого. Наконец добрался он до деревни.

А в той деревне собаки жили. Учужали они Лешего и давай лаять. Сначала одна, потом другая, а за ней уже и все подхватили. Вот, почти вся деревня собачьим лаем исходит, а все никак угомониться не могут. Подошел Леший к первому дому и остановился возле забора. Увидела его собака, что там жила, побежала к калитке и спрашивает:

– А ты кто такой, зверь лесной, будешь?

– Я, Леший, – отвечает тот.

– Ах, Леший? – тявкнула собака, – ну тогда скажи мне, зачем ты к нам сюда пожаловал.

– Я друга себе ищу.

– Ах дру-уга? – прорычала собака, – так нет в этом доме друзей для тебя. Уходи откуда пришел.

Но не послушал ее Леший и говорит:

– А дай-ка я сам посмотрю, что это тримы там в доме делают.

Собака от возмущения аж крутанулась на месте:

– Да я никогда к себе во двор чужих не пускаю. Тем более ночью. Уходи, а то укушу.

– Ах так! – рассердился Леший.

Достал он тогда из-за пояса дубину свою тяжелую, да как дал ей собаке по боку, что та к самому к дому отлетела. Да так перепугалась, что, позабыв даже взвизгнуть, поджала хвост и под крыльцо хозяйское сбоку забилась. А Леший тихонько в калитку вошел, потом к дому прокрался и стал в окошки заглядывать. Смотрит, а внутри дома тримы около печки сидят.

Мужик с бабой да ребятишек несколько. Посмотрел на них Леший, посмотрел и говорит себе: «Нет, эти тримы мне в друзья не годятся. Уж больно маленькие они какие-то, еще испугаются. Да и огонь, похоже, любят. А я огня боюсь. Пойду-ка я лучше к другому дому». И пошел он к другому дому. А там тоже собака была. Но она уже как-то учуяла, что с Лешим шутки плохи. И сама убежала на дальний конец двора, от калитки подальше. А Леший, как и в прошлый раз тихонько во двор зашел и опять в окно заглянул. Но и там было все то же самое. Опять мужик, баба, ребятишки малые, да огонь в печи яркий. Так и ходил он по той деревне от дома к дому и все в окошки заглядывал. Но, как ни старался, так и не нашел никого подходящего себе в друзья. «Да, плохи мои дела, – подумал Леший, – придется мне, наверное, в другой деревне себе друга искать». Однако и другая деревня ничем не отличалась от предыдущей. И в третьей деревне все было как в первых двух. Наконец вышел Леший на совсем незнакомое поле. А за ним и лес виднелся, тоже неизвестный. Пересек он то поле и в лес зашел. Там зайцы ему попадались, вороны, белки и прочая живность.

Забрел он наконец в самую чащу. Видит, избушка стоит. Вся косая, сырая да мхом поросшая. И так эта избушка ему сразу понравилась, что он взял и в дверь постучал. Но ему никто не ответил. Тогда он внутрь вошел. А в той избушке другой Леший жил. Увидел он, что к нему кто-то в дом вломился да как на него накинется. Сцепились оба Леших и стали друг друга мутузить. Дерутся так, что скрип чуть не на весь лес стоит. Собрались вокруг них звери лесные. Стали наблюдать. А вперед всех барсук вышел. Он там самый старый и мудрый житель был. И говорит Лешим:

– Чего ж это вы так деретесь? Вы бы лучше друг с другом поговорили, может до чего путного и договорились бы.

Остановились Лешие. А сами думают: «А и вправду, чего это они дерутся?» И сразу после этого и помирились. Сели даже к новому Лешему чай пить. А чай у того был вкусный: с липовыми ветками, березовыми почками, да с душицею. Пьют Лешие чай, а сами над собой посмеиваются. Как это они, ничего не разобрав, друг друга только что мутузили. И готовы были уже подружиться. Но тут, прямо как назло, неприятность случилась. Старый Леший чашку разбил. Он ее в лапах своих ветвистых держал, а она как-то сама у него на пол выскользнула и разбилась. Не понравилось это новому Лешему. Стал он на старого косо поглядывать, да еще ворчать про себя что-то нехорошее. А старый тоже не промах был, взял и дал пинка новому Лешему. И опять у них драка затеялась. Посмотрел на все это барсук, посмотрел и говорит:

– Нужно вам, наверное, Лешим одним жить. Ты, старый, в свой лес иди, а ты, новый, здесь оставайся. Так оно всем спокойней будет.

Подумали Лешие и согласились. Правильно барсук рассудил. Недаром самым умным жителем здесь слыл, мудро распорядился. И пошел тогда старый Леший к себе домой, в лес свой дремучий вернулся. И так ему хорошо там сделалось, что никаких друзей больше и не надобно.

3. Мышь серая

Эта мышь в лесу жила, почти там же где и Леший. Но чуть ближе к окраине. Жила – не тужила. Вот только имя ее ей не нравилось. Ее Норушкой звали. А какая же она Норушка, если у нее даже своей собственной норы не было. Были у нее, конечно, всякие знакомые и родственники, которые легко ее к себе в гости пускали. Но ей свою норку хотелось.

Лес, конечно, большой. Но вот найти в нем место подходящее, которое тебе больше других нравится, оказалось делом весьма хлопотным. Потому что все хорошие места давно уже заняты, а то что есть – все было что-то не то. У той норы крыша сыплется, того и гляди на голову упадет. У этой снизу протекает что-то. А в третьей, так и муравьи с блохами живут. А тех пока по-выведешь, замучаешься.

Пошла тогда мышка к одному своему старому знакомому. Да и не то чтобы именно знакомому или даже родственнику, а все же – своему. Хомяк это был. Он в роскошной норе жил. Той, что под дубом. Пришла к нему мышь и села чай пить. А потом, между делом так и спрашивает:

– Дядюшка хомяк, а вот вы, говорят, самый умный житель здесь и многое знаете. Скажите мне, пожалуйста, где бы мне себе норку новую найти?

А хомяк подумал немного, подумал и отвечает:

– В нашем лесу, мышь ты моя серая, норки тебе не сыскать. Ты вот лучше в поле пойди, да там поспрашивай, может и отыщешь чего. У пшеницы, что там растет спроси. Она знать должна.

– Спасибо вам, дядюшка, – ответила ему мышка.

Потом допила свой чай, пискнула и в поле побежала. А там и вправду пшеница росла, да еще и с овсом впридачу.

– Пшеница, пшеница, – мышь спрашивает, – а нету ли у вас здесь норки какой для меня, свободной?

Пошумела пшеница, пошумела и говорит:

– Нету у нас здесь норки для тебя. У нас тут и так кроты с майскими жуками живут. Не пустят они тебя к себе. В другом месте ищи.

И побежала мышь дальше. Что было делать. Долго ли, коротко ли бежала она. Вдруг, глядь, земля переменилась, твердой стала и совсем не сыплется.

Подбежала мышь к первому попавшемуся жуку и спрашивает:

– А, дядюшка жук, что это у вас тут за земля-то такая, твердая?

А жук ей отвечает:

– Это не земля, дуреха, а бетон. Тут люди когда-то прежде работали. Они и построили. Вот только давно это было, теперь никто и не упомнит.

– А-а, – протянула мышь понимаючи, – значит люди. А что они делали? Ты говоришь, что они работали?

– Да, работали, а что делали не знаю. Ты, вон, лучше пойди у пауков спроси. Они там в темных щелях живут и по-более моего знают. Только ты с ними поосторожней будь, а то ведь они и ужалить могут.

– Спасибо тебе, дядюшка, – поблагодарила жука мышь и побежала дальше.

Добежала она до тех щелей темных, о которых жук ей рассказывал. Смотрит, а там внутри и вправду что-то шевелится. Ух и страшно же ей стало. Не любила она пауков, боялась их очень. Но, что было делать, не возвращаться же.

И вот ползет она по длинной узкой расщелине, а там то с одного боку, то с другого, как зашевелится что-то, у нее аж душа в пятки. Наконец вышел ей навстречу самый главный паук. Большой такой, страшный. Глаза горят, а лапки подергиваются.

– Ты чего это, мышь серая, тут делаешь? – говорит.

– А я, мышка Норушка, я себе норку новую ищу, – ответила ему мышь. – А ты, я знаю, паук страшный, мне про тебя жук там наверху рассказывал.

– Ах жу-ук, – протянул паук понимаючи, – ну тогда ладно, не будем тебя жалить, поговорим. Так ты, значит, норку себе новую ищешь?

– Да, дедушка, – ответила ему мышь дрожащим голосом.

– Ну, норка тут есть одна для тебя. Вот только там змея живет. Ты ее убей и сама живи как знаешь. А мы, пауки, тебя не тронем. И будем даже охранять.

– А что, – поинтересовалась мышь, – та змея, она ядовитая?

– Да, – ответил ей паук, – очень. Раз укусит и все. Мы ее сильно боимся. Но ты не трись, мы тебе противоядие дадим. Оно на нас пауков не действует, а тебе в самый раз будет. Ты его выпей и иди змею убивать, а мы тебя здесь подождем.

Взяла тогда мышка пузырек тот зелененький, да и выпила его содержимое. Что было делать? Потом пискнула, чихнула, потому что зелье то больно уж терпким оказалось. И пошла вперед змею убивать. Вот только качало ее отчего-то. То в одну сторону, то в другую. Все вокруг туманным сделалось, а самой весело стало. Так она и шла по той расщелине, а как дошла до ее конца, то уже настолько развеселилась, что стала песни петь.

Услыхала ее змея и задумалась. Мало того, что кто-то по расщелине той запретной идет, так еще и песни поет очень громко. «Видно, это сильный зверь какой-то, раз меня совсем не боится, – решила она наконец. – Ведь там одни пауки трусливые живут и они наверняка предупредили гостя незваного». И тут прямо ей на голову из расщелины той, что под потолком была, свалилась мышь серая. Да как увидела ту змею, так со смеху аж с лапок попадала. Лежит на спине, смеется и подняться не может. Поглядела на нее змея, поглядела, оползла вокруг, да как ужалит. Мышь так сразу на лапки и вспрыгнула.

– Ты чего это, старая, кусаешься?!

– А ты кто? – змея спрашивает.

– Я, мышь серая. Я себе норку новую ищу и теперь тут хочу жить.

– Ах ту-ут?! – зашипела змея, да как кинется. Еще раз ужалить мышь хотела.

Но мышка тоже не промах была и сразу высоко вверх подпрыгнула. А как подпрыгнула, так той змее на голову и села.

– Ну вот, змея, – пропищала мышка, – теперь ты в моей власти! И теперь я здесь буду жить.

И так ту змею укусила, что та сразу и померла. «Ну вот, – повторила мышь, – так-то оно лучше будет. А то, ишь, кусаться вздумала». И пошла свои новые владения осматривать.

А там места видимо-невидимо. И все потолки высокие. И полы ровные. И на голову ничего не сыплется. Муравьев, жуков и прочей живности, даже и в помине нет. Всех, видимо, старая змея по-передушила. «Вот это хоромы», – сказала себе мышь и дальше пошла. А дальше была еще комната, потом другая. И так много их было, что и не сосчитать. Но больше всех мышке понравилась комната с лампочками. Там стулья деревянные стояли и два стола. И на каждом таком столе лампочки были разноцветные. Вот только не горели они совсем.

– А что же это вы лампочки такие красивые и не светитесь? – спросила у них мышь.

– А они и не могут, – ответил ей кто-то из-за стола.

– А это кто там сидит? Кто со мной разговаривает?

– Я, пульт управления. Меня люди сделали. Только давно это было.

– Ах пу-ульт, – протянула мышь понимаючи. – Ну тогда расскажи, коли знаешь, как лампочки твои разноцветные починить. А то я страсть, как на них посмотреть хочу.

– А ты вот полезай внутрь меня, да проводки разные соедини. Какие – расскажу, они и заработают.

Мышь так и сделала. И долго она еще внутри этого пульта возилась. Сильно поломанным он оказался. Но наконец-то управилась.

– Вот, – говорит мышь, – все сделала. Включай теперь свои лампочки.

Пульт щелкнул, скрипнул, загудело внутри него что-то. И заработал. А вокруг него такой яркий свет сделался, что слепит прям. И зажужжало все вокруг, и заскрипело.

– Вот, – говорит пульт управления, – так-то оно лучше будет. И веселей. А тебе, мышь ты моя серая, за помощь твою я один секрет открою. Ты вот сейчас вон ту кнопку красную нажми, да потом еще те ключики поверни. И будет тебе второй закат солнца за сегодня. Удивишься.

Приздумалась мышь. Ей ведь когда-то бабка еще давно рассказывала, что они со своими родственниками, второй такой закат солнца уже видели. Но сама она тогда совсем маленькой была. И была ли то правда или нет, никто не мог сказать. Но посомневалась мышь, подумала и все-таки решилась.

– Хорошо, – говорит, – давай, пульт ты мой лампочный, сделаем с тобой второй закат солнца за сегодня. И исполнила все, как пульт ее просил в точности.

Вдруг загудело все вокруг, затряслось и так жарко сделалось, что хоть беги. А мышь и вправду так перепугалась, что побежала. Мимо комнат бесконечных, мимо змеюки мертвой, да мимо пауков страшных. И так быстро бежала она, что у тех даже глаза на лоб по-вылезли. Удивились очень.

А мышь все бежала и бежала. Пока не добралась до деревни одной. Та деревня совсем неподалеку от ее леса была и мышь ее хорошо знала. А в той деревне трим один жил. Старый и чудной. Усы носил огромные, чуть ли не до пояса. А чудной, потому что любил на крыше сидеть. Сядет так, бывало, и целый день на небо смотрит. Вот и сейчас этот трим у себя на крыше сидел и на поздний закат любовался. Увидала его мышь и подумала: «А ведь с крыши-то оно, наверное, на второй закат лучше смотреть будет». И полезла к усатому триму. А тому и все равно. Мышь – не мышь, какая разница. В любой компании веселее.

Так они и сидели там вдвоем, на закат любовались. «Но, – вздохнула мышь, – обманул меня, видимо, пульт тот с лампочками. Хотел меня из той норы прогнать и сам во всех комнатах жить себе. А я, дуреха, ему и поверила». Но не обманул пульт мышь серую. И вскоре где-то далеко за горизонтом второй очень яркий закат вспыхнул. И был он еще краше первого. И вот тогда уже многие из деревни той к триму усатому да к мышке серой на крышу по-залазили, на чудо то дивное посмотреть.

4. Ракета

Сидели как-то тримы у себя в деревне и думали, чем бы им таким особенным заняться. Кто-то предложил железный забор вокруг деревни строить, кто-то высокую башню, а кто-то – ракету. Последняя идея всем больше остальных понравилась и решили они строить именно ракету. Разыскали на ближайшей свалке железяк ржавых да разных, кто-то бетонных блоков притащил, что потяжелее, а кто предпочел и двигателем заняться.

Наконец ракета была готова. И не слишком-то долго тримы ее и строили. А вышла на загляденье. Железный каркас, проволочками перетянутый, бетонные крылья и борта. А снизу для костра еще место, потому что кто-то из компании этой, кто посообразительнее других был, сказал, что у ракеты обязательно сзади огонь должен гореть.

Развели они огонь, да сильный такой, что и не подойти даже. Но ракета что-то все не взлетала. Стали думать. Пошли по деревне поспрашивать, может кто знал, как ракету в воздух запускать. Но никто, конечно, ни о чем подобном не слыхивал. Тогда тримы пригорюнились сильно и бросили эту затею. Пошли железный забор строить. И с этим делом у них намного лучше все получилось.

А ракета, вся черная от копоти, да обгорелая со всех сторон, так и осталась стоять на окраине деревни. И долго бы она там еще стояла, если бы в деревню ту не пришел однажды трим из большого города. Ведь там в городах тоже иногда тримы жили. Хотя жизнь там совсем другой была и, как говорили, на любителя.

Как увидел этот городской трим их железобетонную ракету, ох и смеяться же стал, только за бока держался.

– Где же вы, недотепы, видели, чтобы ракеты так строили? Вы бы хоть в книжках умных посмотрели, ведь там все про это написано.

– А мы книжек умных не знаем, – ответили ему деревенские жители, – мы с ними только говорить умеем, потому как грамоте не обучены.

– Вот и идите тогда в город, и там поищите, что вам в этом деле знать надобно. А раз слушать умеете, то и поймете, что в книгах написано про эти вот самые ракеты.

Подумали деревенские тримы, подумали, что делать? Надо кого-то в город посылать умному учиться. Решили послать Чубатого. Он парень молодой еще, да и ум у него очень бойкий. Уж быстрее остальных поймет, что к чему. А городской трим тогда еще пообещал, что Чубатого проводит до самого города, потому как дорога туда трудной и опасной была. Так и ушли они.

И вот уже месяц, другой проходит, воротился наконец Чубатый. И не только все узнал, что да как в ракетостроении, а еще и книжек умных с собой целый чемодан принес. Стали его деревенские жители спрашивать, что они не так в той ракете делали. А он так по-умному с ними говорить принялся, да потом еще и чертеж показал. Развернул его прямо на земле и объяснять начал. Ох и большой же тот чертеж у него был, метров десять на пятнадцать. Еле-еле на дороге уместили. А Чубатый снял еще ботинки свои и прямо так босиком по этому чертежу ходит и все показывает.

А тем временем бабка Полушница, что в доме напротив жила, решила в лес за грибами сходить. Да всю ту компанию и увидала. Подошла к ним и стала прислушиваться. А потом как закричит:

– Чего ж это ты, Чубатый, нам, честным тримам, тут голову морочишь? Разве же это ракета? Да такая ракета у меня в огороде рядом с сараем стоит.

Все уставились на Полушницу.

– Ты что бабка, совсем на старости лет с ума спятила?

– Да нет же, – говорит, – сами пойдите и увидите. У меня там колодец один, глубокий. Так я в нем картошку храню. Только он сырой весьма. Я уж ее родимую из-за этого даже в сетке подвешиваю, за крючок цепляю.

Удивились деревенские жители, но решили все-таки на чудо то посмотреть, интереса ради. Пошли в огород к Полушнице, открыли железный люк, смотрят, а там и вправду снизу что-то виднеется. Спрашивают:

– Это чтоль ракета твоя, а, бабка старая?

– Эта, – отвечает, – только видите, воды сейчас много натекло, так что ее почти не видно.

– Ну ничего, это мы сейчас быстро поправим. Только люк у тебя уж больно тяжелый. Как же ты раньше его одна открывала?

– Да так, сынки, потихоньку да помаленьку, – ответила им бабка и пошла своей дорогой в лес.

А деревенские жители призадумались. Как же им воду всю из колодца убрать. Ведром ведь неудобно, да и долго очень. Обратились они к ветру.

– Эй, ветер вольный, – говорят, – ты помог бы нам. А то сами мы тут не сдюжим. Глянь, воды сколько.

– Нет, – ответил им ветер, – в этом деле я вам не помощник. Что я тут поделывать могу? Ну подую-подую, а толку чуть, вода-то никуда ведь не денется. Вы бы лучше у туч спросили. Вечно они за мной по небу носятся, уж так надоели, что сил нет.

Спросили тримы у туч. А те им ответили:

– Мы в этом деле вам тоже не помощники. Вот если надо, можем еще побольше воды налить. Это запросто. А меньше сделать – тут уж никак, извиняйте. Вы пойдите лучше у солнца спросите, может оно вам как подсобит?

Обратились тримы к солнцу.

– Солнышко любимое, родное. Помогите нам, бедолагам, пожалуйста. Не можем мы этот треклятый колодец осушить. Уж больно глубокий он и ведром не подлезешь.

А солнце им ответило:

– Хорошо, помогу вам. Но только смотрите, со мной шутки плохи. Я ведь горячее очень, и если только нужно станет, сразу кричите мне, чтобы остановиться. А то, неровен час, я всю деревню вашу спалю.

– Не беспокойся, солнышко, мы скажем, – ответили ему тримы обрадовавшись.

И начало солнце греть их колодец. Час греет, два. Вот уже и пар оттуда пошел. Потом еще зашипело что-то. Глянули тримы вниз, а там уже и пусто совсем. Испарилось все.

– Ух, спасибо тебе, солнышко, большое, – поблагодарили они, – век тебя не забудем.

– Да ничего-ничего, – ответило им солнце, – для меня это только развлечение, – и покатилось по небосводу дальше.

А тримы, не будь дураками, в тот колодец веток сухих накидали, да огонь разожгли. А Чубатый все смотрел на то, что перед ним происходило и только головой качал. Вот, вроде, и правильно они все делали, а все одно, не так что-то. Должен быть у ракеты сзади огонь, это точно. Вот только какой-то другой он должен быть. Не слишком большой и не такой яркий.

Наконец из колодца дым пошел. Все обрадовались, думали, что ракета вот-вот сейчас взлетит. Но вместо этого из колодца шипение сильное раздалось, да свист такой, что все чуть в обморок не попадали. А как очухались, так с перепугу и бросились бежать. Да и вся деревня тогда целиком в окрестные поля быстро выбежала. И тут вдруг жажнуло.

Тримы потом рассказывали, что они в тот момент подумали, что это все, светконец пришел. Все тут же на землю кинулись и стали причитать, чтобы не слишком сильно мучиться, когда помирать станут. Но никто, конечно, в тот день не умер. А только лишь пыль осела, да дым развеялся, как сразу увидели они, что от их деревни ничего уже и не осталось. Одна только

яма огромная, аккурат в пределах того забора, который они успели когда-то здесь прежде построить. И сели они вокруг той ямы и стали думать, чем бы им таким еще теперь заняться.

5. Летуны

Совсем одолели кошки мышей. Житья от них никакого бедным мышам не стало. Вот и решили тогда мыши и те, что полевые, и те, что домашние совет держать. Как им от кошачьего гнета избавиться. И так они думали и эдак, ничего не выходило. И встал тогда самый старый и мудрый из всех мышей, и так сказал им:

– Раз мы, мыши неразумные, ничего толкового придумать не можем, то пойдемте тогда по белу свету искать, как нам судьбу свою невеселую облегчить. Глядишь, может быть тогда что и придет нам в голову.

На том и порешили. И отправились в тот же день мыши в разные стороны уму-разуму учиться. А когда пришло время возвращаться, то и вернулись они, и на новый совет собрались. Встала тогда первая по очереди мышь, она самая ловкая и шустрая из всех была, и так говорит:

– Я предлагаю, как сама то в одном месте видела, на котов ловушки ставить. Делать железные клетки и туда их заманивать.

– Хорошее предложение, – сказал мышиный старейшина. – Кто еще что видел, выкладывайте.

Встала тогда вторая мышь и говорит:

– А я предлагаю сюда собак позвать. Там где собаки живут никаких котов не бывает. Они их всех мигом загавкают.

– Тоже здравая мысль, – отозвался мышиный старейшина.

И тут вдруг встала самая маленькая мышка изо всего мышиноного племени и тихо так говорит:

– А я вот видела, что мыши летать могут.

– Как так? – удивились все.

– А так. Есть у тримов одно приспособление, дельтаплан называется. Я его в старом городе несколько раз видела. Там многие тримы на них по воздуху летают. Залезут на дом, какой повыше и вниз прыгают. Но не разбиваются, а просто так летят и летят себе дальше. Как листья. Так вот, у одного из таких тримов мышенок ручной был, дружили они. Я с этим мышонком тогда случайно познакомилась. А он мне все об этих дельтапланах и рассказал. Как их делают, как потом на них летают и все такое прочее. Так что если нужно, то я тоже рассказать могу.

Идея всем очень понравилась. А мышь та малая будто и вправду ожидала этого. Вынула она из своей сумки какую-то бумажку, расстелила ее на столе и всем показывать стала.

– Это, – говорит, – схема. По ней дельтапланы и будем делать. Только не такие, как у тримов, а поменьше.

– Ну что ж, – отозвались остальные мыши, – давай, говори нам, что тебе надобно.

– А нужно мне вот что: бумаги побольше, да масла любого. Да ивовых веточек еще, только чтобы они тонкими были и нитки.

Побежали мыши все добывать. И не прошло и получаса, как все, что было нужно доставили.

– Вот тебе, – говорят, – мышь ты наша малая, все что ты просила. Делай.

– А мышка та рас-рас иголочкой, два-два ножницами, три-три ножичком и сделала дельтаплан маленький.

– Вот, – говорит, – дельтаплан вам. Теперь тому, у кого он есть никакие кошки не страшны. Не достанут они его.

Пошли проверять. Выбрали самую ловкую и бойкую мышь, показали ей как планировать. Помогли даже на дерево повыше забраться и пустили. Мышь та, конечно, запищала сперва со

страху. Но потом освоилась. Стала круги по воздуху делать, да пируэты выписывать. Запрыгали мыши от радости. Ну, теперь их котам не достать!

Так прошло две недели. И мыши те все себе дельтапланов понаделали и решили в ближайшую деревню, где тримы жили, слетать. Посмотреть чтоб, как на них теперь кошки покусятся посмеют. Забрались они на деревья, что повыше были и полетели.

Кошки же деревенские ни о чем таком, конечно, не подозревали. А просто сидели себе на крылечках и на солнышке грелись. Вдруг, глядь, – что такое? Летит кто-то. Да не один, а целое полчище. Подумали сперва, что это просто ветер листья из леса принес. Но нет, не листья то были. А как подлетели те летуны поближе, так и увидели кошки, что это не кто иной, как мыши. Те, что их всегда так сильно боялись и на которых они прежде охотились. А теперь эти мыши над ними еще и потешаются. Ух и разозлились же тогда кошки.

Но как им мышей этих с неба достать? Ведь дельтапланов-то строить они не умели. И додумались они палки себе длинные привязывать, так, чтобы повыше быть. Привязали они такие палки к лапам трех самых быстрых и отважных котов, и пустили их мышей ловить. А на палках-то неудобно и особо не побегаешь. Коты же те ходили, ходили, да так все вниз и попадали. А один даже в грязь угодил. Причем, как назло, там его хозяин поблизости шел. Видит он, что его кот откуда-то сверху летит, да как шлепнется. И всего его грязью забрызгал. Ох и ругался же тогда хозяин на своего кота-недотепу.

– Ишь, что вздумал, негодный, – кричал он ему вслед, – на небо захотел попасть? Так я тебя сам туда еще скорее отправлю. Попадись мне только.

Ох и веселились же в тот день мыши. Смеялись аж до слез. А потом еще слетали обратно в лес, да набрали там орехов и желудей, и назад в деревню вернулись. Уж никогда, наверное, не забудут кошки того позора, как их мыши по деревне туда-сюда гоняли, да все желудями и орехами закидывали. Но все когда-нибудь кончается. Подошел к концу и тот день. Мыши вернулись обратно в свой лес, а кошки теперь уже сами стали совет держать, как им мышей поганых истребить.

Кто-то из них даже знал, потому что видел где-то, что мыши себе дельтапланы построили. Но что было проку с того. Ведь у кошек-то лапы не такие ловкие и сами они не сумели бы такую тонкую работу сделать.

– Давайте тогда рогатки мастерить, – предложил кто-то из котов.

Но и с рогатками тоже незадача вышла. Негде было столько резины взять. Резины-то в то время вообще мало было, а та что была, давно уже вся истлела. И встал тогда самый старый и матерый кот с одним оборванным ухом и произнес:

– Луки будем делать. Веревки тонкие мы сможем себе в нашей деревне найти, а веточек, их везде полно. Из них мы и стрелы для луков легко изготовим.

Так и поступили. Поэтому, когда на следующий день мыши снова из леса в атаку пошли, кошки их уже ждали. Ух и битва же тогда у них была. Даже тримы из той деревни, вконец оторопев от того, что их коты с мышами вытворяли, на поля ушли. И оттуда уже за всем спокойно наблюдали.

В деревне же происходило настоящее побоище. Мыши сверху атаковали: орехами и желудями кошек забрасывали. Последние же сначала прятались, а потом неожиданно выскакивали и стреляли из луков в тех летунов. Много писку и мяуканья тогда было. Но и тот день, пусть и нескоро, но тоже закончился. И стали враждебные стороны свои потери подсчитывать. По количеству, конечно, мыши пострадали больше. Но их и изначально больше было. А поэтому все решили, что мыши тогда победу одержали. А значит теперь в деревне они должны быть главными, и кошкам впредь их обижать строжайше запрещалось.

Но кошки – хитрые создания. И, пожалуй, даже похитрее мышей будут. Они гонца тайного послали, в другой лес, дальний. С грамотой, что, мол, мыши их совсем одолели, что летают на дельтапланах и жизни не дают. А кому бы вы думали направили они ту грамоту? Летучим

мышам, конечно. А те, когда обо всем узнали, так чуть со злости не полопались. Что какие-то дальние их родственники, бескрылые и жалкие, на их небо покушаются, на вотчину. Так не бывать же этому!

На следующий день кошки с той деревни, зная уже обо всем, вид сделали, что просто так лежат себе спокойно, на солнышке греются. А мыши, ничего не подозревая, из леса к ним на дельтапланах полетели, с проверкой. Что да как, да какие там у них дела. Не балуют ли кошки и не затевают ли чего нехорошего. И только, что они к той деревне подлетели, как откуда ни возмись, на них мыши летучие напали. И все им дельтапланы по-переламывали. Попадали тогда простые мыши с неба и так со страху в свой лес драпанули, что даже кошки их догнать не смогли.

Но с тех пор кошки и мыши стали друг к другу с большим уважением относиться и не обижали уже друг друга попусту.

6. Золото

Не долго думали Застегнутый с Запахнутым как им разбогатеть. Все было проще простого. Рудное золото – вот все, что им было нужно. Некоторые, правда, называли то золото еще и ртутным, но это, как говорится, уже их дело. Ну а раз так, то чего зря время терять? Тут, правда, необходимо одну оговорку сделать. Что, во-первых, золото то не совсем обычным было. Жидким было оно, как будто расплавленным, но при этом и холодным. А во-вторых, добыть его можно было лишь из большой ржавой трубы, которая торчала на одном необитаемом острове. А остров тот находился посреди топкого гнилого болота. Болото же то находилось в самой чаще огромного дикого леса. Но и это было еще не все. В болоте том чудище древнее жило, да и не чудище даже, а так, диво болотное. Страшным было оно. Но не по внешности своей, которая напоминала скорее корягу или ствол давно прогнившего старого дерева, а потому, что оговор знали. И много на болоте том с давних времен разных горемычных бедолаг сгнуло. Обратило их чудище, кого в деревья ветвистые, а кого и просто в пни замшелые.

И все бы, наверное, и ничего было, и на болото то гиблое никто вовек и не сунулся, да вот стоило рудное золото очень дорого. За один только стаканчик его можно было всю ту деревню, в которой Застегнутый с Запахнутым жили, купить. Вот они и подумали, что другого пути у них попросту нет. А поэтому стали в дорогу собираться. Взяли они тележку свою деревянную, да починили ее еще. Колеса смазали и веревку крепкую привязали. Фонарик взяли, который ночью светится. Хитрый такой, на него нажмешь-нажмешь, а он и загорится. Топор еще, на всякий случай. Канистры две – это уже для золота. Ну и еды поболее.

Однако труден был их путь длинный до леса того дальнего. Шли они сначала по полю широкому. Потом в лес зашли темный. Потом опять было поле. И наконец подошли они уже к лесу нужному. Но тот лес и сам по себе весьма опасным был. Жили в нем звери дикие. И те, которых тримы давно уже знали, и еще другие звери, неведомые. Вот и говорит тогда Застегнутый Запахнутому:

– Ты, братец мой, вперед иди, закутайся поплотнее в свой полушубок и ничего не бойся. Если же какой зверь на тебя нападет, так ты сразу на землю и падай. А я его ножом убью.

– А если ты не успеешь? – спросил Запахнутый.

– Ничего, успею. Ты меня знаешь, я охотник опытный и рука моя верная.

Так и решили они. Но сначала попадались им одни лишь зайцы да белки, которые сами от них во все стороны разбегались. Потом лисы пошли. Видели они их штук несколько. А потом и волки объявились. Увидел один такой волк Запахнутого. Да как на него кинется. Но тот не растерялся и все, как велел ему Застегнутый, выполнил. Закутался он в полушубок свой овчинный и упал быстро на землю. Волк на него прыгнул, а тут и Застегнутый с ножом своим острым. Ударил того волка в бок и все было кончено. Так и пробирались они по лесу тому все дальше и дальше. И еще им другие волки попадались. А потом опять лисы. И наконец медведь. Но медведя того Застегнутый убить не сумел. Уж больно толстая шкура у него была. Но все же ранил он его сильно, отчего медведь назад в глубь леса ушел.

Наконец добрались они до того болота тайного. Смотрят, болото как болото. Посреди него островок серой тенью виднеется. А на островке торчит труба железная. Но не вертикально, а как-то наискось, чуть в сторону. Из верхнего же конца ее золото жидкое капает. Да тихо так, как будто вкрадчиво. А дальше ручеек этот уже по сырой траве под воду уходил. «Вот оно наконец счастье-то наше!» – подумали Застегнутый с Запахнутым. Но стали озираться. Станным показалось им то место, подозрительным. Как будто что-то притаилось там на глубине. Вроде и рядом совсем, но отчего-то невидимое. А вокруг них деревья стояли всякие: и высокие, и низкие, но все пожухлые и мхом поросшие. Да валялись еще стволы старые, давным-давно насквозь прогнившие. Не знали вот только Застегнутый с Запахнутым, что это другие, такие

же как и они сами, тримы, навсегда здесь остались, только уже обращенные. И сказал тогда Застегнутый Запахнутому:

– Знаешь что, братец мой Запахнутый, давай-ка я лучше обойду этот островок с другой стороны. А ты тут стой. То чудо болотное, которое здесь по слухам живет, отвлекай. Я же тем временем золота наберу.

– А если оно меня околдует? – спросил Запахнутый.

– Ничего, не бойся. Я всегда к тебе на выручку прийти успею.

– Ну хорошо, – ответил ему Запахнутый.

На том и порешили. Прокрался Застегнутый незаметно на другой край болота и тихонько к островку пошел. А Запахнутый стал нарочно шуметь. Взял он топорик свой, которым прежде дрова рубил и начал им деревья, что стояли неподалеку от веток очищать. На костер значит. Увидало это чудо болотное и подплыло ближе к берегу. После чего стало на него прямо из под воды смотреть. А тот даже и не побеспокоился. Пел себе песни веселые, мелодии разные насвистывал. Потом еще костер развел. Достал картошки и стал ее в углях запекать. Не понравилась эта веселость чудищу. Вылезло оно тихонько на землю и подошло сзади к Запахнутому. Да так, что тот ничего и не заметил. Потом медленно опустило ему руку на плечо, после чего прямо на месте и замерло. Запахнутый же, едва только почувствовал, что его сзади кто-то держит, так испугался, что закричал не своим голосом. Но для чудища этот крик был почти как музыка. Уж больно любило оно, когда тримы от страха кричат.

А Застегнутый тем временем набирал жидкое золото. Услышал он, что Запахнутый на другом берегу кричит, смотрит, – а друг его там на месте стоит и рядом с ним то чудо болотное. Но которое тоже стоит и ничего его другу не делает. Прошептал он про себя: «Ничего, ничего потерпи, братец Запахнутый, я скоро, вот уже одна канистра полная есть. Сейчас вторую и к тебе быстро на выручку». Но опоздал все же тогда Застегнутый. Оговорило чудище Запахнутого. И стал он в дерево превращаться. Но тут, откуда ни возьмись, на него и сам Застегнутый выскочил. Ух и начал же он то чудище ножом бить. И по спине его, и по рукам ветвистым, и в голову. Закричало чудище криком страшным и стало назад к воде отходить. А Застегнутый взял еще топорик, что был у Запахнутого и стал им пуще прежнего чудище с силой рубить. Совсем уже взревело чудище и в болото свое гнилое под воду ушло. Но напоследок все же успело произнести слово тайное:

– Иштибрахвимонт, – и скрылось.

Подошел Застегнутый к Запахнутому. Видит – все, друг его совсем плохой. В дерево обращается. Тело все корой покрылось. А с разных сторон ветви начали расти. Руки и ноги как коряги длинные стали. Вот только глаза все еще прежними были. Он с него, где только смог все эти ветви посбивал. И на телегу, которую они для золота приготовили, погрузил. А золото, что в канистрах было, обвязал веревкой крепкой и перекинул себе через плечо. Да так и пошел назад домой. И очень тяжело ему было идти. Но все же справился он. И к вечеру того же дня воротились они вдвоем в свою деревню.

Сбежались тогда тримы деревенские посмотреть, что это с их Запахнутым приключилось, да и на рудное золото тоже полюбоваться. Но времени тратить зря не стали. Послали за бабкой-ведуньей, что в соседней деревне жила. А та быстро и пришла. Смотрит – конец. Совсем Запахнутый деревом стал. Попричитала она, повздыхала: «Эх, что же это вы, касатики, так поздно за мной послали. Вам бы меня с собой на то болото брать надо было. Тогда бы я помогла молодцу вашему. А теперь поздно уже. Все что могу сделать, так это чтобы он вашу речь понимал. Но деревом он все равно станет». Потом еще пошептала что-то, поколдовала, раскурила листиков разных рядом с Запахнутым и восвояси пошла. Что было делать? Так и остался Запахнутый на краю деревни стоять деревом.

А Застегнутый из-за всего того, что случилось так опечалился, что еще два дня горькую пил. А потом взял то рудное золото, рудное да проклятое и раздал его всем соседям поровну.

Себе же оставил лишь долю малую. И после этого каждый месяц, в тот день, когда Запахнутый деревом стал, приходил к нему. Сядет так бывало поблизости, нальет себе водочки, пол рюмки залпом выпьет, а остальное на землю выплескивал, для друга чтоб. И долго потом еще с ним разговаривал.

7. Аори

– Проклятый колдун, – ворчал Стром, расшвыривая камни ногами, – куда он нас послал? Тут ведь тупик и нет прохода. Мы погибнем здесь в этих горах, – он огляделся вокруг.

Да, со всех сторон их окружали все те же самые горы: высокие, темные, словно давящие на вас всей своей неизмеримой громадой. А теперь еще и ветер принес влажный туман, и облака сгрудились меж вершин. Пошел дождик. И все это в придачу к тому, что давно наступила поздняя ночь и вокруг почти ничего уже не было видно.

– Мне страшно, – тихо сказал Тай, другой трим, который отправился со Стромом в это путешествие.

Они, конечно, изначально еще предполагали, что их путь не будет особенно легким, но все же и не ожидали такого. Несколько дней в этих холодных, гулких проходах, продуваемых всеми ветрами, когда слева и справа от вас одни только голые камни. Бесконечные, тяжелые, острые. Да теперь еще и колдун. А ведь они сначала вполне ему и поверили. Что он хорошим тримом был и хотел им помочь.

Этот, совсем молодой еще парень сидел в окружении небольших острых скал и словно бы игрался с камнями. Он сначала легонько подбрасывал их вверх, а затем делал так, чтобы они не падали. А бедные путешественники к тому времени уже так сильно устали, что просто подбежали к нему и стали просить о помощи. Колдун же сначала внимательно их выслушал, а затем, догадавшись, что они просто заблудились в горах, спокойно указал направление. И вот теперь, спустя еще целый день, они уперлись в тупик. То есть в непроходимое узкое место, где изогнутая, почти вертикальная гладкая стена уходила в неведомую высь, а с другой стороны к ней примыкала бездонная страшная пропасть.

– Мы погибнем, погибнем здесь, – снова запричитал Тай, медленно опустившись на землю.

А Стром хотел было ему возразить что-то, но, не найдя подходящих слов, понурил голову и тоже сел. И тут вдруг они увидели нечто странное. Из небольшой расщелины, что находилась чуть в стороне и которой они прежде не замечали, выплыло некое голубоватое свечение. Потом постояло на месте и двинулось дальше. Оно совсем уже было приблизилось к ним и даже прошло чуть вперед, когда путешественники разглядели, что это была девушка. Она была очень красивой и одета была хорошо. А почему так светилась, они, конечно, не знали тогда, но решили пока не спрашивать. Девушка же эта прошла немного вперед и прямо к бездонной пропасти, после чего замерла там на мгновение и... шагнула в пустоту. Стром с Таем аж вскрикнули от испуга и вскочили на ноги. Однако увидели, что странная девушка не упала тут же вниз, а продолжила неторопливо спускаться. Они осторожно приблизились к краю, где и обнаружили очень узкую, крутую тропинку с выдолбленными ступенями, которая уходила в призрачную темноту. Решив уже не отставать, они тихонько пошли вслед за девушкой.

Спускались они долго. Неожиданно долго. Нет, они, конечно, видели сверху, что пропасть была глубокой, однако насколько не представляли. Наконец, примерно через час, они почувствовали под ногами мягкую почву, а вдалеке заметили и несколько мерцающих огоньков. Ух и обрадовались же они тогда, отчего, не в силах более сдерживаться, побежали скорее вперед мимо светящейся девушки и прямо по направлению к деревне. Там они встретили местных тримов, которым и рассказали, как плутали в горах и как чуть было не погибли. А те им ответили, что они пока в горах все еще и находятся, и что теперь эти горы вокруг них. Призадумались Стром с Таем, но все же решили, что и того что сейчас есть, им пока вполне достаточно. Отчего и напросились к одному местному триму в гости переночевать.

– А скажите нам, – обратился Стром к этому триму, когда они к нему домой шли, – что это за девушка такая светлая у вас здесь ходит? Мы ведь как раз за ней и спускались вниз, потому что даже в темноте хорошо ее видели.

– Ах эта, – трим вздохнул, – никто не знает точно ее имени, хотя она здесь и родилась. Да вон, кстати, ее отец стоит. Вы лучше у него обо всем спросите, а я пока своей жене скажу, чтобы она и на вас ужин приготовила.

На том и порешили. Подошли тримы к отцу девушки. А тот тоже про нее толком ничего не знал, словно это и не дочь его была вовсе, а посторонний человек.

– Имя ее только жена знала, – пояснил он, – но она умерла, когда девочка родилась. Она, конечно, придумала ей какое-то имя, это точно. Вот только какое, – он развел руками. – На простые же имена она не откликается. Да так теперь и ходит без имени, и молчит все. Мы, конечно, приглашали бабку-травницу, но та как с ней поговорила, так сразу кинулась на землю и стала ей ноги целовать. Ну, какая же это помощь? Нет, я ничего не хочу сказать, девочка моя очень добрая и отзывчивая. Вот только кому от этого прок?

– Да-а, – согласились с ним Стром с Таем, – уж такая добрая, что даже светится.

– А знаете, – вдруг оживился Тай, – мы ведь там в горах, недавно колдуна одного видели, сильного. Он, правда, совсем молодой еще, но может делать так, чтобы камни вниз не падали.

– Ух ты, – заинтересовался отец девушки, – и что, как вы думаете, сможет он моей дочке помочь?

– А мы откуда знаем, – удивились тримы, – но можем пойти туда и позвать его. Вот только все это лучше сделать завтра, а сейчас мы очень спать хотим.

На том и порешили. И когда тримы, досыта наевшись вечером и выспавшись ночью, проснулись утром, отец девушки их уже ждал. Они только попросили его показать им дорогу к той тропинке, по которой вчера вечером вниз спускались, а дальше уже сами пошли. Наконец, спустя несколько дней возвратились они назад вместе с колдуном. Оказалось, что это и вправду был совсем молодой еще парень, лет восемнадцати. Однако колдун он был настоящий, что местным тримам сразу и продемонстрировал. Он тогда взял воду, что у них в ручье текла и приподнял ее в воздух вместе с водорослями, а некоторых еще и обрызгал. После чего местные жители отвели его к странной девушке. А та как раз у себя в огороде была, грядки пропалывала. Увидел ее колдун и раскраснелся даже, уж очень сильно она ему понравилась. Но когда он к ней подошел и спросил имя, то не услышал никакого ответа.

– Так как же тебя зовут, милая девушка? – повторил он свой вопрос, взяв ее за руку.

Но та лишь руку свою назад отдернула и отошла прочь. А потом посмотрела в глаза колдуну и лицом побледнела. И долго она не могла от него взгляд отвести. А затем руки свои неожиданно к небу подняла и прошептала что-то. И тут же трава густая, длинная стала быстро из земли расти. Да все выше и выше, пока даже самих тримов не переросла. А затем трава эта стала колдуна крепко опутывать. Однако он руки быстро в разные стороны развел и силой своей колдовской всю эту траву от себя отбросил.

Разозлилась тогда девушка и руки наоборот вниз опустила, да пальцы растопырила. И в тот же миг из-под земли корни начали расти. Большие, длинные, страшные. Увидели все это местные тримы, да врассыпную из своей деревни побежали. А некоторые из них и кричали даже: «Вот уж так добрая!» Один только колдун не испугался. Он хлопнул громко в ладоши и от звука того корни, что были рядом с ним все на землю попадали, как подрубленные.

Совсем уже разозлилась девушка и стала руками своими размахивать. И тогда яркие молнии в небе вспыхнули и дождь пошел, и очень сильный ветер поднялся. Да такой, что все кружился вихрем поблизости и на колдуна того наускакивал. И тяжело тогда стало колдуну, отчего он даже на одно колено опустился и голову наклонил. А девушка, когда это увидела, еще и смеяться стала. И от смеха того из земли всякие гады полезли: жуки, змеи и прочая нечисть. И разозлился тогда колдун и встал с одного колена, и вновь руки в стороны развел, и с боль-

шой силой хлопнул ими. Да так громко, что в горах камнепады начались и вдалеке несколько снежных лавин сошло. Но сгнули в тот же миг все гады противные, что из-под земли повывылезли, и ветер тут же прекратился, и дождь. А девушка, как только это увидела, так просто в немом исступлении стала на колдуна того набрасываться. Но этим, конечно, ничего ему уже не сделала. Поскольку он выставил вперед свою руку колдовскую, о которую она несколько раз словно бы ударялась, хотя и не касалась ее вовсе. После чего отлетала назад и падала.

И так она вся тогда поранилась и платье сильно изодрала. Но наконец все же успокоилась. А как успокоилась, так и встала с земли и на глазах у нее были слезы, – уж слишком больно ей было. А потом подошла медленно к колдуну и тихо сказала ему на ухо:

– Аори, – после чего свечение вокруг нее вдруг исчезло.

И сразу после этого все вокруг стало прежним. Тримы, что разбежались из деревни, вернулись назад к себе домой, а погода стала ясной. Девушка же вместе с колдуном пошла к своему отцу.

– Это жених мой теперь, – сказала она ему, – и я теперь только с ним жить буду.

А отец ее и счастлив был, что дочка его хоть и не светила больше совсем, но зато нормальной девушкой стала. И была потом у них свадьба веселая, потому что колдун тот очень шутить любил и местных тримов смешил сильно. А Стром с Таем на той свадьбе тоже присутствовали, потому что никто не забыл, что колдуна того молодого и сильного в их деревню именно они привели. А поэтому им первым почет и уважение.

8. Врун

Пес был замечательный. Его Мурену старший брат подарил. Он, когда узнал, что его младшой, как они его в семье называли, женится, так сразу к нему с подарком и пришел. «Вот, – говорит, – подарок тебе. Тебе и невесте твоей», – он с интересом посмотрел на Лою. Он, вообще, давно на нее заглядывался, но когда узнал, что его брат тоже ее любит, да и девушка ответила ему взаимностью, так сразу отступился и никаких активных действий более не предпринимал.

– А как нам звать-то его? – спросил Мурен.

– Да как хотите, – ответил ему старший брат с улыбкой, и попрощавшись, пошел назад к своему дому.

День свадьбы близился и Мурен со своей невестой тоже готовились. Запасались продуктами, гостей приглашали, да и сами планировали, как теперь жить будут. Собака же их на удивление умной и полезной оказалась. Во-первых, она попередушила в огороде всех полевых мышей, которые портили им урожай и даже кротов повыкопала. А во-вторых, она очень ревностно их дом охраняла. Пес этот с первого же дня, как только его во двор пустили, тут же обследовал всю территорию и стал считать ее своей абсолютной собственностью. Он даже во двор хозяйский вообще никого не пускал, если только по распоряжению Мурена. А на остальных всегда очень громко лаял. Он выкопал потом себе несколько ямок по разным углам участка, которые использовал как засады или пункты для наблюдения. И если какой-нибудь неизвестный трим заходил к ним во двор, то он неожиданно из этих ямок выпрыгивал и пугал гостя незваного очень сильно.

Вот только лаял он как-то странно и выл тоже. «Врун, врун», – словно бы говорил он, когда лаял, и «обману-у, надурю-ю», – когда выл. Это показалось его новым хозяевам несколько странным. Но они, чуть поразмыслив, решили так собаку и назвать: «Врун».

Помимо практической пользы, пес этот был еще очень ласковым. И когда Мурен подходил к нему, то так преданно смотрел ему в глаза, что у того просто слезы наворачивались. А хозяйку свою будущую, Лою, так вообще очень сильно любил. И когда она проходила мимо, то крутился возле нее виляя хвостом, словно даже и не зная куда бы себя деть.

И вот наконец подошел день свадьбы. Завтра все должно было случиться. Все приготовления были завершены и Мурен с Лоей снова простились и, как они думали, уже в последний раз. Лоя собралась идти к себе домой, а Мурен у себя во дворе остался. Вот только странным было каким-то это прощание. И молодые даже сразу не поняли, в чем именно было дело. Но потом сообразили, что это их Врун куда-то запропал. Он обычно всегда выбегал из дома или из ямок своих выпрыгивал и провожал Лою веселым лаем и повизгиванием. Но сегодня его почему-то не было.

– Что-то мне все это не нравится, – сказал Мурен, – пойду-ка я его за домом поищу.

– И я тогда с тобой, – сказала Лоя, – мне этот пес тоже очень дорог и я не хочу чтобы накануне свадьбы с ним что-нибудь случилось.

Пошли они искать. Но ни за домом, ни в самом доме собаки не было. Тогда они вышли на улицу, тоже ничего. Пошли за околицу – а тримы, как и люди еще когда-то, вокруг своих поселений объездные дороги строили, для удобства чтоб, – и там никого.

– Уж не сбежал ли он совсем, – проговорил Мурен, – ведь посмотри, нигде нету.

– Да не мог он, – ответила ему Лоя задумавшись.

Вдруг, глядь, из-за пригорка, что находился неподалеку, два светящихся пятна показались, потом исчезли и чуть погодя появились снова. Но тримы эти не из пугливых были и сразу сообразили, что это зверь какой-то лесной на них оттуда выглядывает. И Мурен даже позвал: «Врун, Врун», – но услышал лишь приглушенное рычание. А еще через пару минут увидели

они и несущуюся из-за пригорка серую тень, которая стремглав юркнула в их деревню и где-то между домов да заборов затерялась. Но они не пошли сразу в свою деревню, а решили посмотреть, что этот дикий зверь там за пригорком делал. Прошли они сначала по пшеничному полю, а затем и на пригорок поднялись. И тут уже точно вспомнили, что это было за место здесь такое, стародавнее. Никто, конечно, про него ничего не знал в точности, но рожь здесь тримы не сеяли, потому что запах там был какой-то очень странный и палки всякие перекрещенные, да еще и в землю вкопанные. Некоторые поговаривали, что палки эти – кресты, а место – кладбище. Но правда то была или нет, неизвестно.

Делать было совсем нечего, пришлось молодым возвращаться в деревню ни с чем. Во двор они к Мурену пришли, вдруг смотрят, а собака их тут как тут уже сидит. Уши поджала, хвостом виляет, радуется. Ну тогда Мурен с Лоей спокойно попросились и по своим домам пошли. Но плохо спал в ту ночь Мурен. И все ему кресты деревянные снились, да поля гнилые, да пес его еще, странный. Мурену даже показалось, что пес этот над ним как-то тихо посмеивался, да зло так, не подоброму. Но все когда-нибудь заканчивается. И та ночь наконец прошла. Вышел тогда Мурен на свое крыльцо, смотрит, а у его калитки, что к нему во двор вела, народ столпился. Стоят там тримы местные и о чем-то громко беседуют. Подошел он к ним и спрашивает:

– А чего это вы, гости дорогие, не заходите? Ведь сегодня свадьба у меня и я вам всем буду очень рад. Заходите быстрее, еды на всех хватит и выпивки. Да Лою мою еще позовите, ведь она теперь почти жена мне и я ее очень сильно люблю.

На это один из местных жителей вышел вперед и говорит:

– Да не можем мы зайти к тебе. У тебя тут словно стена невидимая. И так вдоль забора всего. Мы даже пробовали сзади дом обойти, но и там то же самое.

Не поверил им Мурен и сам решил попробовать. Да как ударится головой о что-то твердое. Да сильно так, что аж вскрикнул. А потом стал по участку своему ходить и везде руками стучать. Но нет, везде и вправду было одно и то же – словно стена невидимая огораживала теперь его участок. Так что ни сам он выйти с него не мог, ни с улицы к нему никто не мог зайти. Послали они за бабкой-ведуньей, чтобы она растолковала, что это за чудо здесь такое невидимое. Та быстро и пришла. Походила вокруг, походила, да как закричит:

– Что ж это вы, несчастные, здесь понаделали. Такое заклятье ведь никто теперь снять не сумеет. Это дух злой какой-то здесь у вас живет. Только ему такое под силу. А мне не снять заклятие. Ищите духа, уничтожьте его и сможет тогда ваш Мурен на улицу выйти. С тем и ушла.

А местные жители стали думать, где же им духа того найти. А тут еще и Лоя подошла, да как про все узнала, то такими слезами залилась, что тримы ее насилу успокоили. И не было в тот день уже никакой свадьбы, а только все и искали, где ж это дух злой у них тут поселился. Друг друга оглядывали, по домам своим смотрели и даже скотину проверили. Но нет, ничего не нашли. Вернулись они тогда к дому Мурена.

– Прости нас, братец Мурен, – говорят, – добрый ты трим. Но не можем мы тебе помочь. Все обыскали, да не нашли мы нигде духа злого. Может в твоём доме нечисть какая завелась?

– Да нет у меня здесь ничего особенного, – ответил им Мурен, – ни скотины, ни вещей новых. Все что есть, так это уже давно было. Правда, вот, собаку мне брат подарил. Так это же подарок на свадьбу.

Приздумались тримы. Да, видно ничего не поделаешь, и понурив головы, пошли по своим домам. Одна только Лоя на месте осталась. Она долго потом еще у Мурена выспрашивала, не покупал ли он себе чего нового, может вещь какую или инструмент. Но нет, ничего не покупал. «А вот собака твоя, – Лоя тоже задумалась, – может она и не собака вовсе?»

– Да что ты, что ты, – замахал руками Мурен, – это же мне старший брат подарил, а он меня очень любит. Да вот и сам пес, ну скажи мне, разве может он быть злым?

И вправду, пес в тот момент так сильно хвостом завилял, да так посмотрел на девушку, что у той все сомнения сразу развеялись. И горько заплакала она и пошла назад к своему дому, потому что поняла, что свадьбы ей в тот день не видать. А Мурен хоть и не плакал совсем, но так опечалился, что сердце его не выдержало. Ведь он очень любил Лою и жить без нее не мог. Отчего лег прямо там у калитки на землю и умер.

А на следующий день стена та невидимая пропала, как будто ее и не было вовсе. И все тогда свободно прошли во двор к Мурену. Вот только поздно было уже и несчастному ничем помочь было уже нельзя. Поплакали, конечно, соседи повздыхали, да пошли и схоронили его. Что было делать. А Лоя, примерно через год, вышла замуж за старшего брата Мурена – Турена, который ее тоже очень сильно любил. Однако наказала ему, чтобы он пса того странного, что подарил своему младшему, прогнал. Потому что сама она в тот же день, повинувшись чутью своему женскому, прошла вокруг дома Мурена и наткнулась на те ямки, которые Врун выкопал. И нашла в тех ямках кости человеческие. Ей еще бабка когда-то давно про этих людей рассказывала, что они тут раньше все на земле жили, да потом отчего-то повымерли. Она даже спросила у Турена, откуда он взял собаку ту. Но тот как-то весь сразу замялся и ничего ей не смог толком сказать.

Однако собаку свою все же прогнал. Но Врун тот и вправду каким-то странным был. Он сначала долго не хотел уходить, а потом, хоть и убежал из деревни той и жил где-то поодаль, но каждую ночь к дому Турена возвращался и в окна к нему заглядывал.

9. Труба

Уж таким невероятно умным был этот трим, Ёр, что и сказать нельзя. И откуда только ум брал. Жил он в обыкновенной крестьянской семье. И родители у него были самые простые. И даже не учился он, вроде, нигде, а все равно здорово соображал. И это у него с самого детства еще повелось, когда другие тримы, его сверстники, играли себе беззаботно, на речке купались, да жизни радовались. Но он подрастал помаленьку, набирался знаний, пока не вырос в настоящего мудреца и умника. Все, буквально все жители той деревни всегда обо всем его спрашивали: кто о том, как им со своими близкими жить, если у них в семье вдруг что-то не ладилось, а кто даже и про то, когда рожь с ячменем сеять. И все-то хорошо знал их Ёр, и всегда дельные советы давал. Наконец он таким умным сделался, что даже местные девушки стороной обходить его стали, чтобы дурами не казаться. А то ведь он, так бывало, скажет им что-нибудь умное, а они только смотрят на него удивленно и ничего понять не могут, лишь смеются. Так он и жил в той деревне, пусть и без особой любви, но зато в большом почете и уважении.

И все-таки был у него один секрет. Да и не секрет даже, а так, секретик маленький. И это было его уединение. Он ведь так всегда и поступал: отправится куда-нибудь подальше в поле или в лес глухой пойдет, и думает себе. А как надумает что умное, так сразу в свою деревню и возвращался. Правда, когда задачка особенно трудная попадалась, он предпочитал в горы уходить и там в какой-нибудь пещере сидеть. Потому, что даже пение птиц или шум ветра ему в таких случаях мешали. И вот однажды он, совсем неожиданно, когда в очередной раз искал себе уединенное место, нашел старую сливную трубу. Она была не слишком широкой, такой, что еле пролезешь и была горизонтально вкопана в землю. «Надо же, какое интересное место, – сказал сам себе Ёр, – уж там-то мне точно никто мешать не будет». После чего заглянул сначала в саму трубу, а затем посмотрел, что было поверх нее.

Эта труба уходила куда-то вглубь широкой возвышенности, на которой, чуть поодаль, виднелся заброшенный старый город. Точнее, самые его окраины. И труба это уходила куда-то под него. «Попробовать что ли?» – подумал Ёр и засунул внутрь свою голову. А в трубе-то темно было и страшно. Но зато и невероятно тихо. Тогда он залез в нее по плечи, – тоже ничего, поместился вроде. Потом по пояс, а затем и весь целиком забрался.

«Вот уж точно, какое интересное место, – повторил он еще раз про себя, – тут мне хорошо будет думать и совсем не помешает никто. Я ведь смогу здесь самые трудные задачи легко решить. Поскольку не видно ничего вокруг, одна темнота, так что я даже взглядом ни на что отвлекаться не буду». После чего и задумался. А как задумался, так сразу несколько трудных задач и решил, и еще на пару сложных вопросов ответил. Эти вопросы ему соседи примерно с неделю назад еще задавали, а он все никак не мог найти ответы на них. Наконец, уже под самый вечер, он, вполне довольный и гордый собой, вылез из той трубы и пошел назад в свою деревню. И был в тот день у местных тримов настоящий праздник, потому что они сразу и очень много чего узнали нового. Однако от Ёра они не отстали тогда и задали ему еще несколько новых вопросов, причем, куда более сложных, чем прежде. Но Ёр уже знал как поступить и на следующий день снова пошел к своей трубе.

И на этот раз ему пришлось залезть в нее еще глубже и дольше сидеть там, чтобы и на эти вопросы ответить. А как нашел он ответы на них, то теперь уже просто совершенно счастливый вернулся назад в свою деревню. И был в той деревне праздник еще пуще прежнего. Потому что тримы узнали ответы на такие вопросы, которые позволяли им теперь вообще не работать. Причем, кое-что из того, что они узнали их слегка напугало, а кое-что так и обрадовало. Поэтому веселились они тогда всю ночь. И Ёр был вместе со всеми, но немного в сторонке, конечно. Наконец, уже ближе к рассвету, они успокоились.

И вот наступил новый день, и вновь пришли местные жители к Ёру новые вопросы задавать. А тот, как только увидал их, так даже испугался.

– Да что ж это вы меня постоянно мучаете? – запричитал он в сердцах. – Не могу же я абсолютно все знать. Я даже и то, что вчера узнал, то ведь совсем не просто так. А очень долго думал. И мне теперь отдохнуть хочется. Ну пожалейте же вы меня наконец.

Но деревенские жители не стали его слушать, а просто наперебой стали новые вопросы задавать. А Ёр посмотрел на них, посмотрел, и так сказал:

– Ладно, найду я ответы на ваши вопросы. Но с этого дня, буду делать это только один раз в месяц. Мне тоже иногда отдыхать надо. И у меня другие важные дела есть, кроме как думать все время.

Местные жители послушали его, поговорили друг с другом и согласились. «Да, наверное и мудрецам нужен отдых, – решили они, – так что пусть себе отдыхает. А мы тем временем, будем ему новые вопросы сочинять». А как решили они, то сразу и закивали головами. Да и не могли же они его заставить думать в конце концов. После чего повторили свои вопросы, что за минувшую ночь насочиняли и по домам пошли. Ёр же опять направился к своей трубе. И когда он подошел к ней, то ему отчего-то – и это первый раз за все время – совсем не захотелось в нее лезть. Но он сказал себе, что «надо» и, скрепя сердце, полез в темноту.

Полз он теперь очень долго. Так долго, что и сам потерял счет времени. Вот уже и час прошел, и два, а он все полз и полз дальше. Наконец он остановился. А как остановился, так сразу и нашел ответ на один из вопросов, которые тримы ему сегодня задавали. Тогда он снова пополз вперед. А та труба ржавая была и узкая. Такая, что ему даже опять стало страшно. Ведь из нее и деться-то было никуда. Слева и справа одни только стенки железные, да твердые такие, что кости болят. Наконец он остановился снова. И тут же решил новую задачу. А как решил ее, то захотел было назад повернуть, но вдруг почувствовал, что назад-то ползти намного труднее. Вся одежда наверх задирается и пузом ржавчину начинаешь цеплять. Да и вообще, ногами вперед ползти неудобно. «Что делать? – задумался Ёр, – ведь неизвестно же, что именно там впереди находится. А если вдруг стена какая или еще что. Ведь мне тогда совсем отсюда не вылезти». И так ему страшно сделалось, что он даже закричал. А как закричал, так сразу вдруг и успокоился. «А-а, будь что будет, – решил он наконец, – полезу дальше. Может, все же выберусь как-то наружу». И пополз.

И вот ползет Ёр все дальше и дальше, а в голове у него все будто проясняется. «Это ум мой, наверное, светлее делается, – подумал он. – Может еще чуть-чуть и я самым умным тримом на свете стану». Ну а раз так, то чего зря бояться. И пополз он вперед еще быстрее. Вот уже и тот день подошел к концу и ночь настала, а он все полз. Уже и все вопросы, которые тримы ему задавали были давно решены, а он никак не останавливался. Наконец он стал уставать. А как устал совсем, так просто опустил голову на руки и уснул. И снилось ему, что он самый умный трим на свете и что он абсолютно все и обо всем знает. И такой счастливый сон это был, что Ёр, прямо во сне, даже заулыбался.

Так прошло несколько часов. И когда на поверхности забрезжил ранний рассвет, то и Ёр открыл глаза. Он конечно света совсем не увидел, но как-то почувствовал, что время уже вставать. Вот только когда он проснулся, то почему-то вообще ничего не понял. Кто он и где находится. «Что это за место такое? Где я?» – задавал он себе теперь уже новые вопросы. Но как ни старался, так ничего вспомнить не сумел. Тогда он попытался вспомнить, как попал сюда и тоже не смог. Тогда он попробовал подвигаться вправо и влево, – бесполезно. Назад пополз, – неудобно. Вперед, – ух, получилось. И пополз тогда Ёр вперед.

И долго он так еще полз, пока не увидел где-то далеко-далеко маленькую светлую точку. А как увидел ее, так и не смог больше от нее глаз оторвать. Уж такой красивой она ему показалась. Особенно посреди беспросветной темноты вокруг. И эта точка словно притягивала его к себе и манила, отчего он пополз еще быстрее прежнего. Поэтому не прошло и двух часов,

как он вылез из той трубы, но уже, естественно, с другого ее конца. А как вылез, так просто и обомлел. Ведь вокруг него был чудесный мир, удивительный и яркий. Он был таким прекрасным, что Ёр невольно раскрыл рот от изумления. Но все же не стал около той трубы долго задерживаться, – она теперь ему просто ужасной показалась, – а пошел скорее прочь. И так он шел все дальше и дальше. Сначала по лесу, а потом по полю. Пока не набрел на другую деревню, чужую. И в той деревне его никто не знал, отчего местные жители принялись его расспрашивать, кто он и откуда. А Ёр на все вопросы только кивал головой в ответ и улыбался как дурачок. И местные жители так тогда и решили, что это именно дурачок и есть. Однако они не прогнали его прочь, а приняли к себе. И зажил там Ёр еще лучше прежнего. И пусть его новые соседи почти никогда его не слушали и не восхищались им совсем. Но зато любили совсем как родного.

А в старой деревне тримы, едва лишь прознали, что их мудрец куда-то запропал, так сразу кинулись его разыскивать. Но сколько не искали, так и не сумели нигде найти. Наконец кто-то из них вспомнил, что видел Ёра у той трубы ржавой. И пошли они тогда к ней. А как подошли, так сразу внутрь кричать громко стали. А кто-то даже и позвал: «Ёр, ты там?» И вдруг, из той трубы ржавой да темной голос раздался. Кто-то ответил им. А потом еще и еще. И все это были ответы на те вопросы, которые они своему Ёру задавали. Ух и испугались же они тогда и бросились бежать. Но потом все-таки подумали и вернулись. И вновь стали у трубы спрашивать. Но теперь уже труба молчала.

И так местные тримы ничего и не узнали бы, наверное, если бы один из них примерно через месяц к той трубе случайно не подошел и не спросил у нее что-то. И вновь услышал ответ, причем ответ правильный. И поняли тогда местные жители, что это их Ёр там все еще сидит и о чем-то очень серьезно думает. Но как и обещал когда-то прежде, всего лишь один раз в месяц на их вопросы отвечает.

10. Хорек-разделитель

– Какое замечательное у вас одеяло, – с чувством проговорил Ири, устраиваясь в постели. – И не сказать, чтобы легкое, но и не слишком тяжелое, как раз такое, как надо. И теплое очень, – он натянул одеяло на себя и поежился.

Он, на самом деле, ужасно устал сейчас и уснул бы, наверное, вообще под любым одеялом. Но все же спать под таким согревающим чудом было намного приятней. А ведь всего каких-нибудь двадцать минут назад он, весь промокший и замерзший, брел выбиваясь из последних сил, совсем не разбирая дороги. И все это были лишь лес да туман, да поле еще бурьяном поросшее. И вот уже за тем полем деревня. Совсем небольшая, но очень уютная. Где его в первый же дом к себе хозяева впустили, в котором пока еще горел свет. А потом хотели было и ужином накормить, но он сказал, что очень устал и утром поест. И вот теперь – постель. «Какое же это счастье спать вот так в тепле и уюте, да еще под таким замечательным одеялом», – невольно подумал Ири, быстро проваливаясь в глубокий и долгожданный сон.

И он уже спал давным-давно, как вдруг его что-то разбудило. Причем он сначала даже и не понял, чем это было вызвано. Однако, слегка приоткрыв глаза, увидел, что в его комнате, освещенной теперь лишь одним лунным светом, все было по-прежнему. Все тот же высокий шкаф, довольно обшарпанный, квадратный стол у окна, да два деревянных стула со спинкой. «Хотя нет, вот опять что-то», – подумал Ири, уловив некий неясный звук в углу комнаты. Звук этот был похож на легкий приглушенный скрип. Словно кто-то скрипел там половицами, неторопливо переминаясь с ноги на ногу. Ири пригляделся. «Да нет там ничего, – успокоил он сам себя. – Наверное дом такой, скрипит просто или ветер ночной шумит за окном». После чего попытался было снова уснуть. Однако проспал он теперь уже очень недолго, потому что на этот раз его кто-то толкнул. Мягко, но довольно настойчиво. Ири опять приоткрыл глаза. А когда сделал это, то буквально выпрыгнул из-под своего одеяла прочь, вскрикнув при этом от ужаса.

Он уже точно увидел, что под его одеялом теперь кто-то был. Да еще опять этот скрип, тихий, но очень неприятный. «Что это, – подумал Ири, – уж не крыса ли из подвала забралась в мою постель?» После чего огляделся вокруг и, заметив в углу деревянный черенок от лопаты, тихонько прокрался к нему. А затем взял его в руку, размахнулся и ударил им со всей силы по тому месту, где что-то шевелилось. И тут уже раздался такой оглушительный писк, что Ири и сам чуть было не закричал. А потом, то ли со страха, то ли от волнения стал бить этим черенком по движущемуся бугорку. И это точно какой-то зверь находился там. Потому что он даже сумел прогрызть маленькую дырку в его одеяле, отчего Ири на мгновение увидел и острые белые зубы, и совсем немного серую мордочку, по которой тут же и ударил своим орудием. Наконец, спустя несколько секунд отчаянной борьбы все стихло, а как стихло, так и сами хозяева прибежали к нему в комнату.

Хозяевами в этом доме были совсем молодые еще тримы: Румо – темноволосый курчавый парень и Оля – маленькая худая девушка с огромными серыми глазами. Они, как показалось тогда Ири, даже и не слишком-то удивились ночному происшествию, отчего и не задали своему гостю ни одного вопроса. Они только медленно прошли вглубь комнаты, подняли одеяло, где и увидели огромного, но уже мертвого хорька.

– Ах, так это всего лишь хорек, – вздохнул Ири с облегчением, – а то я уж невесть что подумал. Ну, что это крыса какая-нибудь забралась в мою постель или другое животное.

Однако, тут он вдруг осекся, потому что увидел, как хозяева дома крепко обнялись и, опустившись на колени, тихо заплакали. Это продолжалось несколько минут. Наконец они встали на ноги и, повернувшись к Ири, поклонились ему. А тот, совсем уже оторопев от всего увиденного, даже и не знал, что сказать. Наконец Румо сделал шаг вперед и заговорил первым:

– Мы благодарны тебе, о, счастливый незнакомец, за то, что ты избавил нас от этой напасти. И этот зверь, – он указал на мертвого хорька, – совсем не так безобиден, как кажется. Конечно, тебе очень помогло это одеяло, под которое он по неосторожности залез, да так и не сумел назад выбраться. Но все равно, то, что ты сделал – дело великое. И позволь нам за него тебя отблагодарить. Правда, все это лучше сделать завтра, а сегодня, раз уж спать нам, наверное, все равно не придется, мы расскажем тебе одну историю.

После этого Румо вместе с женой прошли в большую комнату, где и накрыли Ири на стол. А тот больше и не стал от еды отказываться, потому что от всего пережитого очень проголодался.

– Хорек этот, – начал Румо свой рассказ, – преследовал нас довольно давно. Еще с тех пор когда мы, то есть вся наша деревня в другом месте находилась. И место это было замечательным. Уж такой доброй земли как там, нам и не сыскать больше. А все потому, что там низина была, а реку, которая ее весной заливала, мы платиной перегородили. Так что земля там была очень плодородная. И собирали мы на ней по несколько урожаев в год. Однако беда пришла откуда не ждали. Повадились к нам в огороды, да и в сараи, где мы держали кур, лазить хорьки. И много их так развелось, что спасу нет. Дня не проходило, чтобы они у кого-нибудь огород не разорили или не утащили курицу. Стали мы на них тогда капканы ставить, ловушки всякие, да собак еще и кошек завели. И переловили почти всех, за исключением лишь одного, особенного. И хорек этот действительно необычным был. Он даже потом к нам в деревню приходил и со старейшиной разговаривал. Но старейшина его слушать не стал и прочь от себя прогнал. Потому, что хорек этот тогда у него дань потребовал: две курицы в неделю и еще яиц много, и прочих припасов. Когда же он ушел, то буквально на следующий же день большая беда случилась. Он, как оказалось, подгрыз несколько опорных бревен в той самой плотине, что нашу речку перегораживала. И вся вода хлынула к нам в деревню. Мы, конечно, бежать. Да только и успели, что унести самое необходимое. Кто-то топор унес, кто-то деньги. А я, вот, одеяло. И даже скажу почему. Ведь одеяло это мне еще от мамы досталось, и бабка моя под ним тоже спала. А я уже после них. А еще, и это мне мама давно рассказывала, что одеяло это особенное, и что порвать его нельзя. Вот хочешь, я сейчас его принесу показать?

Ири кивнул. А Румо сходил в ту комнату, где на кровати лежал мертвый хорек и принес оттуда одеяло.

– Вот смотри, – продолжил он разговор, – видишь, ни одной дырочки. И даже следов от хорька не осталось. Вот какое одеяло, – он подошел к Оле и набросил ей одеяло на плечи.

– Да-а, странно, – согласился с ним Ири, – я ведь своими глазами видел, как этот хорек прогрыз его.

– Говорю же, одеяло особенное и если бы не оно, то даже и не знаю, что бы с нами самими стало. Но я продолжу. После того ужасного потопа все жители деревни разбрелись кто куда. Мы же с Олей побежали в лес. Там мы развели большой костер и, укутавшись в это вот самое одеяло, стали греться. А потом костер наш заметили и соседи. И вот так, уже очень скоро, все собрались вокруг нашего костра и стали думать, как нам быть дальше. И долго мы в тот день прикидывали так и сяк, пока не договорились держаться всем вместе и искать себе новое пристанище.

Хорек же тот противный так и не отстал от нас тогда. Видимо, мало ему показалось. Он все время появлялся словно из ниоткуда и все грыз. Вещи, одежду и даже соседей наших кусал иногда. Единственное вот только, что он не мог прогрызть, так это лишь наше чудесное одеяло. Поэтому в сущности, оно и спасло нашу семью. Ведь под ним мы могли спать совершенно спокойно и ничего не опасаться. Наконец, отыскали мы себе новое место. Это вот самое. А потом и дома построили и огороды завели. Но хорек и здесь от нас не отстал и всякий раз приходил неизвестно откуда и все грыз. Да мы даже почти и привыкать к нему стали, хотя его писк, что он издавал по ночам, очень мешал нам нормально спать. Наконец мы все же не выдержали

и пошли к старейшине узнать, почему этот хорек нас так преследует, ведь старейшина был единственным, кто с ним разговаривал. А старейшина долго не хотел нам отвечать, но потом все же признался, что хорек этот и не хорек вовсе, а все те хорьки, которых мы прежде переловили, но уже перерожденные в одном звере. И что он, зверь этот, поклялся нам отомстить за каждого своего убитого сородича. Призадумались мы. И решили изловить этого хорька. Но как ни старались, ничего не выходило. Потому что хорек этот теперь все наши ловушки знал, да и прочие хитрости тоже разведal. Ум-то у него был от всех его погибших сородичей. А раз так, то и поделаться тут ничего было нельзя. И опечалились мы и решили, что вместе нам больше не жить. После чего и стали уходить один за одним из деревни.

– Ах, – произнес наконец Ири, – теперь я понимаю почему меня в первый же дом в вашей деревне впустили. Ведь этот дом теперь тут единственный обжитой остался, в остальных-то никто не живет?

– Все так, – грустно ответил Румо, – и мы с Олей совершенно одни здесь. Но даже и нас этот хорек хотел разделить, но у него ничего не выходило. Потому что мы вот под этим как раз одеялом спали и он пролезть к нам не мог. Но мы одеяло это под себя подтыкали. А ты, вот, видишь, не знал.

– А если бы он меня укусил? – спросил Ири нахмурясь.

– Нет, – ответил уверенно Румо, – он только жителей нашей деревни кусал, а ты для него чужой трим, поэтому он и не стал на тебя нападать. Но сейчас, – Румо посмотрел на своего гостя, – все кончено. Хорек погиб и мы можем жить совершенно спокойно. Да и соседи наши смогут наконец по своим домам вернуться. Тебе же за смелость твою и удачу позволю нам подарить это чудесное одеяло. И пусть оно служит тебе так же как и нам, и согревает не только тело уютной теплотой, но и душу приятными воспоминаниями.

После чего Румо вновь передал гостю свое одеяло и они спокойно отправились спать. И вновь Ири спал под этим замечательным одеялом, не слишком холодным, но и не очень-то теплым, совсем не тяжелым, но и вовсе не легким. Да еще под таким, которое защищало его лучше всякой брони, потому что его совершенно невозможно было порвать.

11. Лакомый растлитель белок

Белки – интересные создания. Они никогда не пребывают в покое, если только не спят. И поэтому даже временное бездействие сказывается на их организме не лучшим образом. Но если белка по какой-либо причине начинает еще и лениться, то ей просто конец. И страдает при этом не только ее организм, но и психика. Потому что тогда она полностью перестает себя контролировать и превращается в жалкое подобие того пушистого и игривого зверька, каким была прежде. А значит та огромная, почти безразмерная чашеобразная емкость с арахисовым маслом, которое от долгого воздействия плюсовых температур еще и забродило, представляла для всего беличьего племени реальную и очень серьезную опасность.

Конечно, емкость эта изначально была накрыта прорезиненным брезентом. Но постепенно старый брезент истлел и рассыпался. А когда это произошло, так и сильнейший приторный запах распространился по всем близлежащим лесам. И хотя пахучая емкость находилась в давно покинутом старом городе, – а белки городов не любили – но тем не менее все они стали к этому городу спешно подтягиваться, а некоторые так еще и рассказывать своим сородичам, что обнаружили вкуснейшее лакомство в почти неограниченном количестве.

Со временем все больше и больше белок приходило к этой пахучей емкости. А некоторые так и уходить от нее не захотели, отчего и жили там постоянно, поедая арахисовое масло. В конце концов белки совсем обленились и попросту валялись там едва ли не тысячами, не в силах уже ни назад в лес уйти, ни чем-либо иным полезным заняться. Они разжирили и стали неповоротливыми. Однако от лакомства своего все равно отказаться не могли. Поскольку оно не только питательным было, но еще и пьянило слегка. Поэтому вот так, очень скоро, почти все окрестные белки перестали быть уже похожими на самих себя и превратились черт знает во что.

И все же не все белки подверглись тогда этому лакомому растлению. Был среди них один бельчонок, который не любил арахисового масла, отчего и не стал его есть. Он, правда, прибежал потом несколько раз к этой емкости и наблюдал за тем, что там происходило. И наконец-то понял, что случилась беда. Подошел он тогда к своим родителям, которые тоже там валялись. Но даже и они не захотели его слушать. А отец так еще и грозить начал, что накажет его. Но едва только поднялся на свои четыре лапы, как тут же и завалился на бок, и не смог своего малыша догнать. Тогда бельчонок в самую чашу леса пошел к бабке своей. Она у него очень старая была и с палочкой ходила. А оттого жила в невысоком уютном дупле в огромном дубе. И когда бельчонок к ней пришел, то и сказал:

– А, бабушка старая, вставай скорей беда случилась!

После чего и рассказал ей в подробностях, что с остальными белками произошло. А бабка ему ответила:

– Молодец, внучок, что ты ко мне пришел. Пойдем скорей в этот заброшенный город, наших из беды выручать. Вот только старая я очень и ходить мне тяжело, так что долго нам с тобой туда идти придется.

– Ничего ничего, бабушка, – ответил ей бельчонок, – главное нам что-нибудь придумать. А времени у нас теперь предостаточно. Куда все эти бедолаги-то денутся, ведь они даже и подняться толком не могут.

И пошли они вместе в тот старый город. А как пришли, так и увидели все как есть. Сотни, если не тысячи белок валялись там вокруг пахучей емкости. И у всех у них были счастливые мордочки, а некоторые даже напевали что-то веселое, а другие насвистывали. Поглядела на все это бабка-бельчиха, покачала головой и говорит:

– Ах, все как ты и сказал, внучок, беда приключилась. И если этих объевшихся лодырей вдруг лисы или волки найдут, то несдобровать им. Съедят они их ни за что ни про что. Но как же нам им теперь помочь?

– Нужно всю эту емкость уничтожить, – предложил ей бельчонок, – потому, что уговоры на них, – он указал лапкой на сородичей, – не действуют.

И стали они думать. Сначала всю емкость вокруг обошли. Потом под низ залезть попробовали. Но емкость эта была наполовину вкопана в землю и у них ничего не получилось. Наконец бабка-бельчиха сказала:

– В таких местах почти всегда слив делают, чтобы удобней было жидкость выливать. И слив этот глубоко под землей. Поэтому придется нам с тобой подземный ход искать, чтобы пролезть туда. Да еще и вентиль особый открыть. Но может у нас и получится.

И пошли они подземный ход искать. Сначала нашли старый сливной колодец, что под железным люком был и через узкую щель в него пролезли. А дальше спустились глубоко под землю и по тоннелю темному пошли. И страшным был этот тоннель. Однако у белок зрение острое и они в темноте все хорошо видели. Наконец дошли они до большого просторного помещения. А потолок у того помещения как раз и был днищем округлой емкости, что наверху находилась. И посреди этого потолка торчала труба чугунная, а у трубы вентиль. Вот только не это было самым главным. У той трубы ржавой, что почти до пола доставала, крысы сидели и сладкое масло, что из нее капало, слизывали. Ух и расстроились же бельчонок со своей бабкой. Видно, не удастся им тот вентиль особый открыть. Но наконец старая белка решилась.

– Ты, малыш, вперед иди вентиль открывай. А я этих крыс отвлеку. Расскажу им какую-нибудь историю. Да вот еще палку мою с собой прихвати. С ней вентиль легче повернуть будет.

– Но бабушка, – бельчонок едва не заплакал, – они же тебя съедят.

– Ничего, ничего, внучок, – ответила ему бабка-бельчиха, – что-нибудь придумаю.

И стала громко языком щелкать, чтобы крыс отвлечь. Подошел к ней тогда самый старый и главный крыс, посмотрел внимательно и говорит:

– Ты что это, белка, с ума сошла? Ты чего здесь щелкаешь?

– А это я вам сказку хочу рассказать, – ответила ему белка, дрожа от страха.

– Сказку? – удивился крыс, – ну что же, сказки это хорошо, сказки я люблю. Давай, говори тогда, а мы тебя послушаем.

И стала им белка разные сказки рассказывать. Про свою жизнь, да про чужую. Вот уже все крысы вокруг нее собрались и слушать стали. А бельчонок тем временем сбоку прокрался к вентилю, да вставил в него клюку бабкину и потянул. Но только совсем чуть-чуть вентиль ржавый с места сдвинул. Тогда он потянул сильнее, – еще на пол оборота. И наконец со всей силы крутанул. Да так расстарался, что аж сам в противоположную сторону отлетел. Вентиль же тот открылся полностью и из него арахисовое масло потоком хлынуло. А крысы, которым сказки старой белки уже надоедать стали и они думали, как бы ее съесть, тут же кинулись к этому потоку и стали из него арахисовое масло подъедать. А некоторые, так и всей мордой в него влезли. Бельчонок же со своей бабкой быстро к выходу пошли и через все тот же железный колодец наружу выбрались.

А наверху тем временем творилось нечто невообразимое. Белки, едва лишь заметили, что их лакомство под землю уходит, как сразу кинулись к своей емкости и стали из нее арахисовое масло есть, кто сколько мог. А некоторые так в нее еще и попадали. Тогда они стали на помощь звать, и другие белки, хотя и с трудом, но их вытащили. А еще вокруг завязались драки разные. Но драки эти хотя и были отчаянными, однако совсем не были опасными и больше походили на мышиную возню. Кто-то из белок громко кричал, что вот, мол, все, конец всей их жизни пришел и что им теперь лучше вовсе не жить, а кто-то горько плакал.

Посмотрела на все это старая белка, да только головой покачала:

– Смотри, внучок, – сказала она, – наши-то совсем из ума выжили. Как по своей верной гибели сокрушаются.

Так и продолжалась вся эта вакханалия почти до полуночи. Потому что масло то вязким было и вытекало снизу очень медленно. А наутро, когда белки, все уставшие и измазанные проснулись, то увидели, что емкость их теперь совсем пустая стоит. И только по стенкам ее масло еще чуть-чуть стекает. Кинулись они тогда оставшееся масло слизывать. Да так расстарались, что всю емкость до блеска языками вычистили. А как вычистили, так и успокоились. Ведь не было больше у них сладкого масла, а значит и драться, и кричать было не из-за чего.

Пошли тогда несчастные белки обратно в лес. В дома свои заброшенные в дуплах вернулись. И зажили там как прежде. Со временем вернулся к ним почти забытый веселый их нрав. Вспомнили они даже как с ветки на ветку перепрыгивать и делать запасы на зиму. О той же емкости, что с питательным маслом была и рядом с которой они так долго жили, они теперь отчего-то даже и не вспоминали.

А старая белка со своим внучком в тот день еще у пахучей емкости остались, потому что от всех своих приключений устали сильно. И когда ближе к полудню из-за высоких домов выглянуло солнце, то и осветило оно эту емкость. А как осветило, так и тонкий луч света из нее пошел. Яркий и очень горячий. Ведь эта емкость полукруглой была и как вогнутое зеркало свет отражала. И попал этот луч на огромный дом, что стоял поблизости. И задымился тот дом и загорелся весь. И такой сильный пожар от него сделался, что во всех близлежащих лесах видно было. И видели этот огонь протрезвевшие белки, и радовались очень сильно. А чему и сами не знали.

12. Рукава

Фару был старым охотником. Ни один зверь или птица не могли от него уйти. Правда иногда Фару становилось скучно, и он словно бы начинал играть со своей добычей, в точности как кошка с мышью. Тогда он позволял зверю на некоторое время от него убежать и затаиться. А сам по следам или по каким-то иным, одному ему ведомым признакам, зверя этого вновь выслеживал. Поэтому не проходило и нескольких дней, как он пропавшего зверя опять настигал. Вот и сейчас, решив потренироваться, а быть может и попросту развеяться, он выслеживал огромного серого кабана, которого легко ранил еще пару дней тому назад. Однако кабан этот матерым оказался. Отчего в первый день довольно долго петлял среди камышей и кустарника, запутывая своего преследователя, а затем и вовсе в воду прыгнул, и поплыл к небольшому скалистому острову, что находился невдалеке от берега. Там кабан этот снова начал усиленно петлять после чего затерялся где-то в густых зарослях прибрежного можжевельника.

Фару вышел к воде. Он прекрасно видел, куда направился кабан, вот только добираться вплавь до этого острова ему совсем не хотелось. Поэтому он потратил еще около получаса и соорудил себе небольшой деревянный плотик, на котором и переправился на другую сторону. Там он словно охотничий пес снова отыскал кабаньи следы, и продолжил преследование. Вскоре он вышел на широкое пшеничное поле, которое начиналось сразу за прибрежным леском, опоясывавшим остров по периметру. А за ним увидел и деревню. В этой деревне жили тримы, которые занимались животноводством и земледелием. Вот только вид у них был довольно странный. И Фару даже сразу и не сообразил в чем именно там было дело. Да и сами местные жители все время очень пристально на него поглядывали. В особенности на его одежду.

Перебросившись парой слов с крестьянами и уточнив не видели ли они здесь кабана, Фару продолжил охоту. Вот только найти свою добычу в тот день ему так и не удалось, отчего он решил устроиться на ночлег прямо там, на острове. Он соорудил себе небольшой уютный шалаш из длинных сухих веток, что насобирали в прибрежном лесу и хвойного лапника, который посрезал с местных елок. После чего, улегшись на свой непромокаемый плащ, начал было уже засыпать, как вдруг услышал слабый, едва различимый шорох. Он открыл глаза. Но ничего не увидел. Тогда он вылез наружу и походил вокруг, – тоже ничего. Решив, что все это ему лишь только почудилось, Фару залез назад и снова закрыл глаза. И почти тут же услышал протяжный и очень громкий треск. словно кто-то рвал рядом с ним что-то, будто ткань какую-то. Фару опять буквально подпрыгнул на месте и, перезарядив ружье, мигом выскочил из своего шалаша. Он вновь обошел его, но и на этот раз ничего не увидел. Тогда он сел прямо там на землю и, решив более уже не спать, прислонился спиной к ближайшему дереву. Он буквально замер на месте, прислушиваясь к тому, что происходило вокруг. Однако в ту ночь его более уже никто не побеспокоил.

Наутро поднявшись и собрав рюкзак, Фару хотел было уже отправиться дальше, как вдруг увидел, что у его охотничьего плаща были оторваны рукава. Вот прямо так с мясом. Будто кто-то с силой, причем не то чтобы именно срезал их, а просто вырвал. Фару уставился на свой плащ, а затем решил идти напрямик в фермерскую деревню. «Ведь никто из зверей не способен на такое, – пришел он к единственному в данной ситуации выводу, – а поскольку здесь кроме тех фермеров никого больше нет, то это явно кого-то из них работа». Однако, придя в деревню, он даже и не стал ни у кого ничего спрашивать, поскольку удивился так, что чуть было не онемел. И теперь уже он сам сразу понял, что ему вчера здесь показалось настолько странным: у всех местных жителей, буквально до единого, отсутствовали рукава. Причем, остальная их одежда была самой обыкновенной, но вот рукавов почему-то ни у кого

не было. Заметив его недоумение, один из местных тримов спокойно подошел к нему и так сказал:

– Это давно уже началось. Еще задолго до нашего появления на острове. Ведь здесь прежде тюрьма была, где люди, – ты ведь слышал про древних людей? Так вот, эти самые люди здесь своих преступников держали. Ну и наказывали их, соответственно. Тут воры в основном находились и мошенники, это мы по их записям поняли. Так вот, эти самые люди в этой тюрьме своим преступникам... – трим на секунду замялся, – руки отрубали, чтобы они не крали больше.

– Варварство какое, – покачал головой Фару.

– Да, – согласился с ним трим. – Но вот в чем дело, эти преступники или наказанные, а точнее их призраки на этом острове до сих пор еще живут. И красть они даже после своей смерти не перестали. Видимо, все те жестокие наказания, которым они подвергались при жизни совсем не пошли им впрок. И эти призраки тут по ночам все еще часто ходят и все крадут, что плохо лежит. Однако, чтобы воровать им рукава нужны. Уж даже не знаю зачем. Может быть они так себя успокаивают, ведь собственных-то рук у них нет, а возможно, еще для каких-нибудь целей.

– Да-а, – покачал головой Фару, – и как это вы не боитесь здесь постоянно жить?

– Да мы уже привыкли. К тому же, какой вред от всех этих воришек. Рукавов-то, как ты сам видишь, мы не носим. А если им и удастся что-то украсть, так мы всегда знаем где нужно искать пропажу.

– И это где же? – уточнил Фару.

– А там в глубине острова. У них там как раз тюрьма и была, поэтому они все вещи туда и тащат. Да к тому же, – трим вздохнул, – место здесь больно уж хорошее. Земля вот, лес, море. Тут ведь и зверей много, и рыбы. Так что живем мы на острове в полном достатке. А то, что без рукавов ходим, так это все пустяки. Да так, кстати, и работать намного удобнее, не нужно ничего закатывать, – он улыбнулся.

– А можете вы и мне показать то место, куда эти ваши призраки вещи уносят, а то они у меня прошлой ночью тоже рукава от плаща оторвали.

– Да пожалуйста, – ответил ему местный трим, – тут ведь совсем недалеко. Остров-то этот очень маленький и здесь все близко находится.

После чего они вместе, и все еще продолжая беседу, направились к этой давно позаброшенной тюрьме. Идти там действительно было совсем недалеко. Поэтому очень скоро они, миновав покосившиеся железные ворота, приблизились к широкой тюремной площади. А там, как Фару и надеялся, лежали его рукава. И еще целая куча разных вещей, которые призраки, по всей видимости, утащили уже из деревни.

– Вот дают, – засмеялся местный трим, – уже наворовать успели. А ведь только всего одна неделя прошла с тех пор, как мы здесь в последний раз все проверяли.

После чего взял свои вещи, а Фару взял свои рукава и они собирались было уже уходить, как Фару вдруг спросил:

– А это что за домик, – он указал на некое прямоугольное строение в глубине территории, которое было каменным, а оттого сохранилось лучше других.

– Да я и не знаю, – ответил ему местный трим, – мы не заходили туда никогда. Да там крепкий замок на двери висит и решетка еще на окне. Так что туда не пролезешь.

– А мы попробуем, – уверенно произнес Фару.

После чего подошел к железной двери и ударил прикладом ружья по замку, что на ней висел. А замок этот настолько проржавевшим оказался, что от одного удара буквально рассыпался. Они внутрь вошли. Но там и вправду ничего интересного не было. Одна только лестница, ведущая куда-то вниз, стул, стол, да разбросанные на полу бумаги. Они спустились вниз по лестнице. И вновь уткнулись в еще одну дверь, но на этот раз решетчатую. И тут уже сам

местный трим проявил любопытство, отчего, сняв со стены ключ, открыл висячий замок и внутрь вошел.

Однако внутри, к их общему разочарованию, ничего интересного не было. Всего лишь еще одна пустая камера для заключенного. В которой находились полуистлевший матрас в углу, ржавые цепи, да запыленные доски и тряпки. Поэтому Фару и местный трим вздохнули с сожалением и поднялись наверх.

– Ну, прощай охотник, – сказал местный трим.

– И вам здравствовать, – коротко ответил ему Фару.

После чего они пожали друг другу руки и каждый пошел своей дорогой. Вернувшись в прибрежный лес, Фару подумал, что теперь уже окончательно потерял след своего кабана, а значит и далее продолжать охоту было бессмысленно. Но поскольку приближался вечер, то он решил переночевать на этом острове еще раз, чтобы не переправляться через пролив впотьмах. Отыскав свой шалаш, он теперь уже спрятал поглубже в рюкзак оторванные рукава, да и те, что были на его рубашке закатал повыше. «Пусть теперь только попробуют оторвать», – подумал он улыбувшись и медленно погружаясь в глубокий и долгожданный сон. Ночью, правда, он вновь уловил некое негромкое шепуршание у своего рюкзака, да еще кто-то словно бы легонько дотронулся до его руки. Но Фару не обратил на это никакого внимания. «Что воришки, – подумал он прямо во сне, – не сидится вам спокойно». И вдруг этот некто, совершенно неожиданно и очень крепко вцепился ему руками прямо в горло. Фару попытался было тут же закричать, но не сумел. Тогда он изо всех сил рванулся в сторону и, перевернувшись через бок, откатился к дальней стене своего шалаша. А затем вскочил на ноги и буквально выпрыгнул наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.